С. А. Белановский

О РОССИЙСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ПСЕВДОНАУКЕ

Выпуск 1

НЕВИДИМЫЙ КОЛЛЕДЖ

С. А. Белановский

О РОССИЙСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ПСЕВДОНАУКЕ

Выпуск 1

НЕВИДИМЫЙ КОЛЛЕДЖ

Москва 2026

УДК 303.62(075)

ББК 60.506я73

Б43

Рецензенты:

ЛЫСЕНКО Олег Владиславович, кандидат социологических наук, доцент. Пермский государственный национальный исследовательский университет, философско-социологический факультет, кафедра культурологии и социально-гуманитарных технологий.

НАЗАРОВ Тимур Зуфарович, кандидат социологических наук, доцент. Уфимский государственный нефтяной технический университет, Институт экосистем бизнеса и креативных индустрий.

Белановский, С. А.

О российской гуманитарной псевдонауке. Выпуск 1 / С. А. Белановский – Москва: 2026.

В сборнике анализируется феномен российской гуманитарной псевдонауки — имитации научной деятельности, при которой тексты утрачивают смысл, а экспертиза подменяется корпоративной солидарностью. Первая часть посвящена бессмысленным текстам, создаваемым методом компилятивного списывания. На примере ряда учебников и статей автор демонстрирует, как компиляция фрагментов чужих текстов разрушает композицию и логику. Вторая часть рассматривает кризис института научной экспертизы в России и его последствия. На историческом примере лысенковщины автор показывает, как подмена профессиональной истины пиаром и идеологией ведёт к реализации химерических проектов и деградации государства. В работе делается вывод о системной катастрофе, поразившей российскую гуманитарную науку.

ISBN 978-5-5036-3109-2

© Белановский С. А. 2026

© Невидимый колледж

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 4

ЧАСТЬ 1. КОМПИЛЯТИВНАЯ БЕССМЫСЛИЦА

О СОЗДАНИИ НАУЧНЫХ РАБОТ МЕТОДОМ КОМПИЛЯТИВНОГО СПИСЫВАНИЯ 8

ПРИЛОЖЕНИЕ. ПРИМЕРЫ РАБОТ С ПРИЗНАКАМИ КОМПИЛЯТИВНОГО СПИСЫВАНИЯ 12

О. Т. Мельникова. Фокус-группы: методы, методология, модерирование. 12

М.Л. Власова. Социологические методы в маркетинговых исследованиях. 15

В. Добреньков, А. Кравченко. Методы социологического исследования 17

О СОЗДАНИИ БЕССМЫСЛЕННЫХ ПСЕВДОНАУЧНЫХ ТЕКСТОВ 23

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОБСУЖДЕНИЯ 31

ЧАСТЬ 2. ЭКСПЕРТИЗА И ПСЕВДОЭКСПЕРТИЗА

КРИЗИС ИНСТИТУТА ЭКСПЕРТИЗЫ 36

ЛЫСЕНКОВЩИНА: ПОБЕДА ПИАРА НАД НАУЧНОЙ ИСТИНОЙ 45

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник посвящен феномену российской гуманитарной псевдонауки. Под псевдонаукой здесь понимается не просто ошибочное знание, а особая технология имитации научной деятельности, при которой якобы научные тексты утрачивают внутренний смысл и логическую связность, а реальная экспертиза подменяется корпоративной солидарностью или административным ресурсом.

Сборник состоит из двух частей. Первая часть посвящена анализу работ, имитирующих научную стилистику, но на деле бессмысленных в буквальном смысле этого слова. Само существование таких работ было для меня открытием.

В статье *«О создании научных работ методом компилятивного списывания»* сделан акцент на создании квазинаучных работ путем диффузной компиляции фрагментов текстов из разных случайных источников. Поскольку списывание происходит малыми порциями с редакционной подгонкой фрагментов другу к другу, оно не улавливается системами Диссернет и Антиплагиат.

Такой способ написания текстов основан на двух фундаментальных нарушениях принципов создания научных текстов. Во-первых, это неправомерное заимствование чужих текстов (трудно выявляемый плагиат). Во-вторых, при таком способе компилирования утрачивается смысл текста, поскольку логические связи подменяются случайными и ассоциативными. В рассматриваемой статье сделан акцент на первом аспекте, который казался наиболее важным. Позднее было осознано, что еще более важен второй аспект, а именно отсутствие в таких текстах стратегического замысла и осмысленной композиции.

В качестве примера лишенных смысла компилятивных работ к статье приложены рецензии на монографии О. Мельниковой, М. Власовой и В. Добренькова - А. Кравченко. Особо следует подчеркнуть, что названные работы являются УЧЕБНИКАМИ, т.е. навязываются студентам в качестве источников знаний, которые в действительности в них отсутствуют.

Статьи *«О создании бессмысленных псевдонаучных текстов»* и *«Продолжение обсуждения»* посвящены подробному анализу работы Г. Г. Татаровой, которая, с моей точки зрения, является образцом лишенного смысла текста, мимикрирующего под осмысленный.[1] Статья была выбрана случайным образом как последняя по времени работа названного автора, выявленная поисковой системой в журнале «Социологические исследования».

Осознать бессмысленность текста было непросто, на это ушло около полутора месяцев. Статья производила впечатление осмысленной, но при попытках ее понять смысл ускользал. Лишь постепенно стала ясна бесполезность этих попыток.

Трудно передать эмоции, охватившие меня после этого открытия. Слова «удивление», «возмущение» и «шок» неточно передают это чувство. Наиболее точным, наверное, следует считать внутренний возглас: ТАКОГО ПРОСТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ! К сожалению,

[1] «Когерентность интеграционных процессов как условие повышения качества эмпирических исследований в России» // Социологические исследования № 7. 2014. С. 72-84.

может. Более того, теперь я предполагаю, что большинство российских «теоретических» и «методологических» работ написаны именно таким способом. Это характеризует глубину катастрофы российского гуманитарного знания.

Важная оговорка состоит в том, что описанные выше явления компилятивного списывания и подмены смысловых связей характерны для «теоретического» сегмента гуманитарной науки. Работы, относящиеся к эмпирическому сегменту, на первый взгляд, производят лучшее впечатление. Культура работы с эмпирическими данными не позволяет их авторам работ скатываться до откровенной халтуры или бессмыслицы.

Тем не менее, и эти работы вызывают вопросы, касающиеся их смысла. Их проблема, на мой взгляд, заключается в отсутствии общественного запроса на соответствующий эмпирический результат. Можно ли считать осмысленным исследование, если его результат достоверен, но принципиально никем не востребован? Ответ на этот вопрос я попытаюсь дать во втором выпуске сборника «О российской гуманитарной псевдонауке».

Во второй части сборника приведены две статьи, основная тема которых – кризис института научной экспертизы и анализ последствий этого кризиса.

Статья *«Кризис научной экспертизы»* была написана в ходе публичного обсуждения работы автора этих строк «Оценка состояния РАН», которая опубликована в другом сборнике.[2] Главная мысль статьи выражена в следующем абзаце.

- *Логика реформирования науки должна исходить из фактов, пусть даже эти факты нелицеприятны. Меры по «спасению» науки должны исходить из того реального факта,* ***что в России разрушен институт научной экспертизы.*** *Эта проблема усугубляется тем, что разрушены и другие виды экспертизы, смежные по отношению к науке: технологическая, экономическая, юридическая. Некорректная и ложная экспертиза ныне является одной из главных причин эрозии российской государственности. По моему мнению, – главной угрозой ее существованию.*

Статья *«Лысенковщина: победа пиара над научной истиной»* посвящена почти забытой истории идеологического разгрома советской генетики в далеком 1948 г., когда шарлатан и проходимец Трофим Лысенко погубил академика Николая Вавилова, крупнейшего биолога, одного из родоначальников современной генетики (и вместе с ним всю его научную школу).

На этом историческом примере в статье анализируются последствия подмены научной экспертизы пиаровскими мессиджами. Показано, что «лысенковщина» — это не исторический курьез и не издержки сталинской эпохи, а универсальная модель подавления профессиональной истины в условиях, когда дефицит экспертизы сочетается с высокой концентрацией ресурсов и власти.

Если решения принимаются на основе пиаровских мессиджей, а не доказательной логики, страна обречена на претворение в жизнь гигантских бессмысленных проектов — будь то

[2] Белановский С. А. Наука и ВУЗы // М.: Невидимый колледж, 2026.

сталинский план преобразования природы, кукурузная кампания или поворот сибирских рек. В обществе, где экспертиза подменена лоббизмом и кулуарным сговором, профессиональная ложь неизбежно побеждает, а государство растрачивает ресурсы на реализацию фантастических идей, упуская многие реальные возможности.

Важный момент состоит в том, что масштабные кампании по разгрому научных направлений — генетики в 1948 году, кибернетики в 1950-м, социологии в 1972-м — имели не научную, а идеологическую природу. Их источником была гуманитарная сфера, подменявшая профессиональную истину идейными установками.

Сегодня опасность реализации подобных акций не исчезла. Ситуация может повториться, если в качестве идеологического обоснования вместо марксизма-ленинизма будут использованы «традиционные ценности», «суверенная демократия», «национальная безопасность» и другие риторические конструкции, которые при желании можно наполнить любым содержанием и применить их для лоббирования проектов, схожих с «лысенковскими».

Сильное государство со слабой экспертизой — это парадоксальная конструкция, где концентрация власти и монополия на принуждение сочетаются с дефицитом знаний, компетенций и рационального анализа при принятии решений. Такое государство способно демонстрировать волю, быстро мобилизовывать ресурсы и подавлять оппозицию, но его «сила» становится разрушительной из-за неспособности предвидеть последствия принимаемых решений. Провалы в науке, экономике и технологиях происходят не из-за слабости институтов, а из-за их самонадеянности и изоляции от экспертного сообщества. В итоге вертикаль власти превращается в громоздкую, но неустойчивую конструкцию, где каждое амбициозное решение рискует обернуться системным кризисом, а репрессивный аппарат лишь отсрочивает, но не отменяет неизбежную плату за некомпетентность.

Часть 1.

КОМПИЛЯТИВНАЯ БЕССМЫСЛИЦА

О СОЗДАНИИ НАУЧНЫХ РАБОТ МЕТОДОМ КОМПИЛЯТИВНОГО СПИСЫВАНИЯ

Введение

Причиной написания этого текста стало мое несогласие с типовым редакционным требованием к научным статьям о необходимости предварять их основное содержание обзором литературы по данной теме. Это требование выглядит обоснованным, но зачастую неосуществимо из-за низкого качества соответствующих публикаций вплоть до полной невозможности признать их научными. К сожалению, на практике такое встречается не так уж редко.

Конкретным примером может служить следующий кейс, а именно отрицательная рецензия, полученная мной на его статью «О роли дискуссии в фокус-групповых исследованиях» в журнале «Мониторинг общественного мнения». Главной причиной негативной оценки стало указание на то, что автор (т.е. я) не предварил статью обзором литературы и даже написал, что в России публикации на эту тему отсутствуют.

В обоснование критики рецензент привел список отечественных работ, посвященных тематике фокус-групп. Во главе списка были названы монографии О. Мельниковой «Фокус-группы: методы, методология, модерирование» (М.: 2007) и М. Власовой «Социологические методы в маркетинговых исследованиях» (М.: 2006). На цитировании этих работ автор рецензии настаивал категорически. Так, в рецензии сказано:

- *Одним из ограничений текста статьи является отсутствие в нем обзора релевантной литературы. Сознавая это ограничение, автор во введении сам указывает, что* «О*течественный опыт в рассматриваемом ракурсе не отражен в научных публикациях». К сожалению, этот аргумент нельзя счесть убедительным. Релевантные работы все же есть в российском научном поле. Хотя бы работы О. Мельниковой, М. Власовой и целая серия других работ.*

С моей точки зрения, требование сослаться на работы О. Мельниковой и М. Власовой – профессиональный позор для рецензентов, называющих себя учеными. Объяснению этого тезиса посвящена данная статья.

Методология компилятивного списывания

Автор этих строк причисляет себя к этнографическим социологам, для которых собственная жизнь – это большое включенное наблюдение. Возьмем кейс из этого наблюдения, прямо относящийся к нашей теме.

В далекие 80-е годы у меня был научный руководитель, доктор экономических наук, пьяница, любитель женщин и зарегистрированный коллекционер оружия. Когда я бывал у него в гостях, он поил меня коньяком и учил жизни. Запомнился следующий монолог.

- *Сережа! Когда будешь писать диссертацию, не пытайся придумать что-то новое. Все, что можно придумать, уже придумано. Вот, смотри, что я тебе*

подарю. (Достал из шкафа огромную пачку ксерокопий обрывков каких-то статей без заглавий и источников). Ты разложи их перед собой и списывай, то из одного места, то из другого. Только не списывай помногу, а то заметят. … Диссертация – это просто сочинение на вольную тему. Совершенно неважно, что в нем написано. Важно получить доступ к защите.

Какой вывод можно сделать из этого кейса? Прежде всего, он доказывает, что таким способом МОЖНО стать доктором экономических наук и профессором. Автор высказывания успешно прошел через две защиты (кандидатской и докторской диссертаций), опубликовал две монографии и большое число статей, воспитал не менее десятка аспирантов и соискателей. Возможно, он не был с ними столь же откровенен, но «методологии компилятивного списывания» он, конечно же, их научил.

Вспоминается еще один кейс. У моего знакомого была подруга, которая зарабатывала написанием диссертаций на заказ. Я спросил у него: как она это делает? Ответ: обложится книгами и пишет. Виден тот же самый алгоритм.

Сейчас в интернете можно найти много объявлений с предложениями по написанию диссертаций на заказ. Мне давно хотелось взять у их авторов интервью, обратившись под видом клиента. К сожалению, не довелось. Я бы задал простые вопросы: как Вы пишете диссертационный «кирпич»? Как надо написать, чтобы он гладко прошел защиту? Хочу надеяться, что кто-нибудь реализует эту идею. Странно, что наша социология науки этим не занимается, хотя вопрос лежит на поверхности.

Насколько распространены научные работы, выполненные методом компилятивного списывания? Мое мнение – очень широко. Думаю, что таких работ намного больше, чем осмысленных и добросовестных.

Сила компилятивного списывания состоит в том, что каждое высказывание, взятое по отдельности, выглядит правильным и понятным, но все вместе они не образуют осмысленной композиции (хотя могут создавать иллюзию таковой).

По каким признакам можно определить работу, выполненную путем компилятивного списывания? С моей точки зрения, их три.

Во-первых, работа компилятивного списывателя полностью зависит от имеющихся у него литературных источников при неспособности выйти за их пределы. При чтении такого текста возникает ощущение не просто банальности, а чувство, что все это ты где-то уже читал. Это субъективный критерий, но он реален.

Во-вторых, в таких работах, как правило, происходит подмена темы. Тема, избранная списывателем в качестве «публикабельной» или «диссертабельной», должна быть представлена малым количеством публикаций. Это ограничивает базу для списывания. Поэтому списывающий субъект берет более широкую тему, в которой избранное им узкое направление является составной частью. Подмена состоит в том, что списывающий субъект замещает свою тему более широкой. Так, взявшись писать о фокус-группах, он фактически пишет о малых группах вообще (О. Мельникова). Взявшись писать о методах маркетингового исследования, пишет о маркетинге в целом (М. Власова). И т.д.

В-третьих, это главное, работу списывателя выдает отсутствие композиционного замысла. Любой осмысленный текст должен иметь структуру, связывающую его части в единое целое и ведущую читателя от посылок к выводам. Работа, выполненная методом компилятивного списывания, создает видимость связности, но на самом деле таковой не является. Изложение становится хаотичным, общий смысл текста утрачивается, хотя отдельные его фрагменты могут казаться осмысленными.

Порядок следования тем, создаваемых в рамках компилятивного списывания, можно назвать ассоциативным, поскольку каждая тема возникает по ассоциации с предыдущей, но без соотнесения с композиционным целым. Иллюстрацией может служить фрагмент из фантастической повести Фрица Лейбера «Серебряные яйцеглавы», в которой описана работа робота, создающего художественные произведения (робот называется словомельницей).

- *Существует множество способов рассказать одну какую-то историю. Каждый способ определяется выбором слов. Когда первое слово выбрано, остальные должны ему соответствовать. В словомельницу закладывают общий план книги, и она выдает первое слово наугад. Потом выбирает второе, оно должно по настроению точно соответствовать первому, потом третье и четвертое. Если дать сто разных первых слов, она напишет сто совершенно разных книг.* ***Сын:*** *Значит, словомельница рассказывает одну и ту же историю разными словами?* ***Отец:*** *Ну, в общем, да.* ***Сын:*** *По-моему, это дурацкое изобретение.*

Почему социология поглупела?

Работа компилятивных списывателей в некоторых аспектах похожа на алгоритмы работы искусственного интеллекта (ИИ), поскольку те и другие опираются на определенный круг источников и не могут выйти за их пределы. ИИ сделал явными некоторые тенденции, которые прежде были малозаметны. Для нашего анализа важно наблюдение, что ИИ «поглупел», начитавшись социальных сетей.[3]

Нечто похожее происходит с российской социологией. Работа списывателей похожа на «словомельницу», превращающую обрывки осмысленных текстов в словесный «фарш», который невозможно провернуть обратно. Многие работы, на которые ссылаются такие авторы, сами по себе осмысленны, но их фрагменты утрачивают смысл при хаотичной компиляции с другими источниками. Последующие работы, выполненные на их основе, уже по определению не могут быть осмысленными.

Доминирование списывателей оглупляет научную дисциплину. Их работы становятся обязательными для цитирования, т.к. научные журналы требуют от авторов, чтобы их статьи предварялись обзором якобы релевантной литературы. Хуже того, авторы работ сами привыкают к компилятивному списыванию, понижая уровень собственных научных публикаций.

[3] https://russian7.ru/post/uchenye-vyyasnili-pochemu-neyroset-gpt4-p/

Возможна ли доказательная диагностика текста, созданного методом компилятивного списывания? Предполагаю, что да.

Десятилетие назад создатели сообщества «Диссернет» совершили научный подвиг, создав компьютерную систему, предназначенную для проверки работ на плагиат и другие нарушения научной этики. Власть отнеслась к этой инициативе с большим неудовольствием, но в итоге вынуждена была создать собственную систему «Антиплагиат», без проверки которой сегодня не обходится ни одна публикация.

Трудно сказать, в какой мере эти системы способны выявлять компилятивное списывание. Этот вопрос было бы интересно проверить экспериментально. Однако с момента создания Диссернета средства компьютерной диагностики значительно усовершенствовались. Можно предположить, что современный ИИ способен создать алгоритм, могущий диагностировать подобные тексты. Будем надеяться, что найдутся энтузиасты, которые решат эту задачу.

Заключение

Российский институт научной экспертизы находится в глубоком кризисе. Очевиден факт, что работы, выполненные методом компилятивного списывания, легко получают положительные отзывы рецензентов, защищаются в виде диссертаций, публикуются в виде монографий и становятся элементами вузовских учебных программ. Кроме того, они образуют пул обязательных для цитирования источников.

Для авторов, создающих новые работы методом компилятивного списывания, требование цитирования не обременительно, поскольку связность текста их не заботит. В названных трудах можно легко найти цитаты по любой теме и в любом ракурсе, особенно если новая работа тоже представляет собой не целостное произведение, а компиляцию цитат, не связанных общим смыслом и логикой.

Труднее приходится тем, кто имеет авторскую позицию и работает над созданием осмысленного произведения, предназначенного для того, чтобы кто-то его прочитал. Подобрать подходящие по смыслу цитаты несложно и в этом случае, тем более что никто не следит за их точностью и уместностью. Проблема состоит в моральном унижении автора, и еще в том, что подобные «обзоры литературы» загромождают текст, затрудняя читателю путь к сути дела.

Привычка к бессмысленному компилированию становится обязательным ритуалом, ослабляющим внутренний авторский контроль за логикой произведения. Такой стиль работы убивает научную мотивацию, но открывает простор для имитации научной деятельности.

Автор этих строк не рассчитывает исправить данной статьей несовершенство этого мира, но надеется, что впредь ни один рецензент не потребует ссылок на работы О. Мельниковой, М. Власовой, В. Добренькова – А. Кравченко и других подобных авторов.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ПРИМЕРЫ РАБОТ С ПРИЗНАКАМИ КОМПИЛЯТИВНОГО СПИСЫВАНИЯ

О. Т. Мельникова. Фокус-группы: методы, методология, модерирование.

М.: Аспект Пресс, 2007.

Применим названные выше критерии компилятивного списывания к работе О. Мельниковой. Автор монографии, посвященной методологии фокус-групп, должен был начать с вопроса о том, что такое фокус-группа и для чего она предназначена. Однако в анализируемой работе эта тема отсутствует.

Первая глава называется «Специфика качественной методологии». Ее можно считать вступительной, в ней ничего не говорится о фокус-группах, поэтому она оставлена нами без рассмотрения.

Подмена темы. Переход к основной теме начинается со второй главы, называющейся «Социально-психологические механизмы функционирования фокус-группы» (с. 53). В этом моменте происходит подмена темы. Не дав ни определения метода, ни его описания, автор переходит к описанию названных механизмов. При этом упускаются два момента. Во-первых, фокус-группа – это *не только* группа, но еще и интервью. Следовательно, этот аспект тоже должен был найти отражение в описании. Более того, с нашей точки зрения, именно он должен был быть выдвинут на первый план, поскольку групповые социально-психологические эффекты являются вторичными по отношению к исследовательской функции метода.

Во-вторых, вместо описания социально-психологических механизмов *применительно к фокус-группе* автор описывает их применительно к *малым группам вообще*. Далее вместо описания методики идет фрагментарное изложение общих мест из теории малых групп. Между тем, работа психологических механизмов в фокус-группе имеет свою специфику. Автор обязан был ее раскрыть, но данный вопрос не был даже не поставлен.

Компилятивное списывание. Текст, созданный путем компилятивного списывания, «плывет» по ассоциативным связям, порождая множество несоответствий на уровне абзацев и даже фраз. Рассмотрим это на примере параграфа 2.1.2., посвященного групповой дискуссии. Содержащиеся в них спорные утверждения будут прокомментированы с помощью высказываний практических модераторов.[4] Цитаты из книги О. Мельниковой взяты со страниц 54 – 59.

- ***О. Мельникова.*** *Групповую дискуссию можно считать основным психологическим методом фокус-группы.*

Весьма спорное утверждение. Мнения модераторов по этому вопросу разошлись, но все без исключения согласны, что «дискуссия ради дискуссии» не является корректной методикой.

[4] Фрагменты высказываний модераторов взяты из неопубликованной статьи «Методология фокус-групп с точки зрения российских модераторов».

- ***К. Богословская.*** *Ты пишешь, что некоторые модераторы специально устраивают дискуссию. Я, честно говоря, первый раз слышу, что такое вообще возможно. Это просто непрофессионально.*

Учитывая неоднозначность этого вопроса, О. Мельникова обязана была объяснить, что именно она понимает под «дискуссией» и по каким принципам она должна осуществляться. Вместо этого она пишет:

- ***О. Мельникова.*** *Дискуссия лежит в основе практически всех групповых методов, используемых социальными психологами: в психо-терапевтических, тренинговых группах, при брейнсторминге.*

С нашей точки зрения, это утверждение абсолютно неверно, поскольку во всех этих групповых техниках дискуссии организуются по разным принципам. Наша точка зрения не единична.

- ***Преподаватель ВУЗа.*** *Я считаю, что для разных групповых техник надо использовать правильные названия, потому что это совершенно разные вещи. Если кто-то устраивает словесные битвы и смотрит, кто победит, то это не имеет отношения к технологии фокус-групп. Хотите этим заниматься - занимайтесь, но только не называйте это фокус-группами.*

Далее О. Мельникова, ***пропуская вопрос о принципах дискуссии***, вводит тему этапов развития групп. Эта тема, действительно, рассматривается во всех учебниках по фокус-группам в виде простой трехзвенной схемы: установление контакта, основная часть, завершение. О. Мельникова приводит иную схему, которая в первоисточнике, по-видимому, относится не к фокус-группам, а к динамическим группам.

- ***О. Мельникова.*** *В социально-психологическом плане обычно выделяют три таких этапа: 1) ориентация; 2) оценка, сопоставление и, возможно, конфронтация идей; 3) консолидация мнений.*

Попытка применить эту схему к фокус-группам может быть описана выражением «натянуть сову на глобус». Причем, в отношении этапа консолидации, О Мельникова сама оговаривает, что к фокус-группам он не применим. Но тогда непонятно, зачем вообще было про него писать.

- ***О. Мельникова.*** *Целью фокус-группы является сбор информации, а не достижение единства мнений.*

Тема этапов развития группы в работе О. Мельниковой этим не исчерпывается. По сути, вся тема групповой дискуссии, которая была заявлена в качестве основной, редуцирована к частному вопросу этапов развития групп. Описав одну классификацию, О. Мельникова переходит к другой.

- ***О. Мельникова.*** *В организационном плане выделяются следующие этапы групповой дискуссии: определение целей и темы; сбор информации по обсуждаемой проблеме; интерпретация и оценка полученной информации; подведение итогов: сопоставление целей дискуссии и полученных результатов.*

Перечисленные О. Мельниковой этапы являются элементами не самой дискуссии, а ее аналитического планирования, т.е. совсем другого аспекта. Сопоставление этапов развития групп с этапами их аналитического планирования некорректно. Это косвенно признает и сама О. Мельникова.

- ***О. Мельникова****. Процедура фокус-групп проходит те же этапы развития, за исключением интерпретации и оценки информации, стоящих за рамками группового обсуждения.*

Но и на этом тема этапов развития группы не заканчивается. Продолжая ее, О. Мельникова описывает третью классификацию.

- ***О. Мельникова****. У. Гордон и Р. Лангмейд, в свою очередь, выделяют три основных компонента групповой дискуссии – структуру, содержание и процесс. … К стадиям группового процесса они относят: формирование, волнение, установка норм, выполнение задания, завершение.*

Судя по пункту «выполнение задания» эта классификация также взята из описания динамических групп.

Лишь после изложения трех вышеназванных классификаций, из которых ни одна не относится к теме фокус-групп, О. Мельникова переходит к описанию начального этапа работы группы, т.е. установлению контакта.

- ***О. Мельникова****. Групповая дискуссия, как и любая коммуникация, начинается с установления контакта, и значимость этого этапа трудно переоценить. «Установление доверительного психологического контакта – утверждает Ю.М. Жуков, - абсолютно необходимый этап беседы, который требует специального внимания и усилий со стороны ведущего».*

Этот фрагмент, в отличие от предыдущих, сам по себе не вызывает возражений, если не считать некоторой напыщенности и дефицита конкретики. Однако возражения возникают в двух аспектах. Во-первых, непонятно, зачем, прежде чем перейти к делу, потребовалось загромождать изложение не относящимися к теме описаниями этапов развития групп, созданных не для фокус-групп, а для методик других типов.

Во-вторых, это главное, после описания установления контакта должно было начаться описание главного - основного этапа работы группы. ***Этого в тексте нет***. Покончив с установлением контакта, О. Мельникова переходит совершенно иной теме, а именно к вопросу о том, что «в практике проведения фокус-групп большое внимание уделяется невербальным компонентам коммуникации». В обоснование она цитирует работу автора этих строк, но обрывает цитату, опустив важный тезис о том, что модератор, увидев невербальную реакцию, должен предложить респонденту перевести ее в вербальный план.

В конце параграфа О. Мельникова заключает, что «важный этап групповой дискуссии – постановка цели». Возможно, этот тезис (при адекватном раскрытии) был бы уместен в начале обсуждения, но непонятно, почему он помещен в конце и не раскрыт.

В итоге необходимо сделать вывод, что заявленная в названном параграфе тема – «Групповая дискуссия как основной социально психологический метод фокус-групп» – с одной стороны, не раскрыта, а с другой загромождена не относящимися к делу фрагментами описаний методик иного типа. Хаотичность изложения и постоянные подмены темы делают анализируемый текст непригодным для чтения.

Монография О. Мельниковой «Фокус-групп: методы, методология, модерирование» представляет собой имитацию научной работы и потому не подлежит включению в профессиональные списки литературы.

М.Л. Власова. Социологические методы в маркетинговых исследованиях.

М.: ВШЭ, 2006

Для обоснования тезиса о системном характере псевдонаучных публикаций и учебников возьмем работу, написанную преподавателем известного и авторитетного ВУЗа - ГУ ВШЭ.

Монографию Власовой вряд ли можно рекомендовать к использованию в качестве учебного пособия для студентов вузов, обучающихся по направлению «Социология».

Основная причина состоит в том, что содержание учебника не соответствует его названию. Фактически работа Власовой представляет собой учебник не по социологическим методам в маркетинговых исследованиях, а самому маркетингу и отчасти по смежной дисциплине, которая называется «поведение потребителей». При чтении возникает ощущение, что в тексте отсутствует научная и дидактическая новизна, и имеются элементы компиляции. Этот вопрос требует документальной проверки, поэтому в данном случае он высказан как субъективное ощущение.

В работе Власовой лишь косвенно затрагивается заявленная тема маркетинговых исследований, в том числе и социологических. В книге отсутствует систематическое описание этих методов. Сведения о методах не являются структурной доминантой книги. Они фрагментарны и подчинены другой логике изложения - структурным блокам маркетинга. Ни в оглавлении, ни в тексте книги нет единого перечня социологических методов, используемых в маркетинговых исследованиях. Нигде не оговаривается их специфика применительно к маркетинговым задачам.

Такой учебник не соответствует своему функциональному назначению и вводит читателя в заблуждение. Учащийся, желающий изучить социологические методы в маркетинговых исследованиях, не сможет этого сделать. В лучшем случае он может получить разрозненные и неполные сведения по интересующей его теме, причем для этого ему придется изучить очень большой объем не относящихся к делу материалов, выискивая в них нужную информацию.

В подтверждение этих выводов рассмотрим вопрос о том, как освещен в книге Власовой один из основных методов маркетингового исследования – метод фокус-групп. Очевидно, что читатель вправе ожидать полноценного раскрытия этой темы по двум следующим причинам.

Во-первых, среди качественных методов социологического исследования метод фокус-групп является наиболее массовым. В развитых странах исследования с использованием этого метода образуют целую индустрию.

Во-вторых, госпожа Власова позиционирует себя именно как специалиста в области фокус-групп, о чем свидетельствует биографическая справка на обложке книги.

- ***Марина Власова*** *– известный специалист в области маркетинговых исследований, кандидат философских наук, директор консалтинговой группы «Русинфомар». Специализируется на методике маркетинговых исследований, качественных методах сбора и анализа информации, читает курс лекций «Метод фокус-групп» в Московской высшей школе социальных и экономических наук, магистратуре факультета социологии Государственного университета – Высшей школе экономики.*

Однако фактически в учебнике Власовой о фокус-группах на стр. 222 говорится лишь следующее.

- *Без сомнения, наиболее популярным групповым качественным методом являются фокус-группы. Учитывая достаточное количество литературы по этой методике, мы не будем акцентировать на ней внимание (в сноске к этому абзацу дается ссылка на учебные пособия О.Мельниковой, С.Белановского и Е.Дмитриевой).*

Краткость данного абзаца подтверждает тот факт, что тема фокус-групп в учебнике не раскрыта. Нет главы или параграфа, специально посвященного качественным методам социологического исследования и фокус-группам.

Названный абзац входит в состав параграфа, имеющего название «Разработка стратегии позиционирования». Это подтверждает наш тезис о том, что логика изложения методов социологического исследования не является доминирующей, она подчинена логике маркетинговых тем, что разрушает логическую структуру книги.

Означает ли упоминание о методе фокус-групп в разделе «Разработка стратегии позиционирования», что этот метод используется в маркетинге только для этого? В книге нет ответа на этот вопрос.

Кроме названного абзаца в книге имеется еще некоторые упоминания о фокус-группах. Однако они очень кратки, разрозненны и не всегда бесспорны. Так, на стр. 218 – 219 имеются следующие утверждения.

- *Суть метода фокус-групп: групповое фокусированное полустандартизованное интервью в форме групповой дискуссии по заранее разработанному сценарию.*

Это определение в целом соответствует общепринятому, за исключением слова «полустандартизованное». Разумеется, Власова имеет право на свою оригинальную точку зрения, но в учебнике ее следовало раскрыть, обосновать и проиллюстрировать примерами. Без этого значение слова «полуструктурированное» остается неясным.

Неясным остается также смысл слова «полустандратизованный»: имеется виду чередование в гайдах стандартизованных и нестандартизованных вопросов или все вопросы фокус-групповых гайдов должны быть полустандартизованными? Никаких объяснений по этому поводу в учебнике нет.

- *Используемый в фокус-группах метод групповой дискуссии лежит в основе практически всех групповых методов социальной психологии.*

Опять спорное утверждение, с которым автор рецензии категорически не согласен. Кроме того, тезис сформулирован в крайне общем виде. Не раскрыта тема о том, что же представляет собой упомянутый метод групповой дискуссии, якобы лежащий в основе ВСЕХ групповых методов социальной психологии.

- *Групповые качественные методы предполагают активное использование эффектов групповой динамики.*

Здесь речь идет о групповых качественных методах вообще, но, согласно автору, фокус-группы входят в их число. Трудно говорить о других групповых качественных методах, но спорным является с тезис о том, что фокус-группы предполагают активное использование эффектов групповой динамики. Этот вопрос, как минимум, требует серьезного обсуждения. Кроме того, Власовой следовало разъяснить, как именно (в каких целях и с помощью каких методических средств) используются названные эффекты.

- *К процессам групповой динамики относятся руководство и лидерство, принятие групповых решений, выработка групповых мнений, правил и ценностей, сплочение, конфликты и т.д.*

В данном фрагменте Власова дает общепринятый перечень явлений, входящих в состав понятия «групповая динамика». Однако фокус-группы, будучи, как пишет сама Власова, групповым фокусированным интервью, не предназначены для изучения этих явлений. Если Власова придерживается иного мнения, ей следовало подробно объяснить свою точку зрения.

Вопрос о количественных методах в учебнике Власовой в данной рецензии подробно рассматриваться не будет. Ограничимся констатацией, что они представлены примерно в том же стиле и в том же объеме, что и качественные методы.

Учитывая все сказанное, что книга Власовой не может служить учебным пособием по теме «Социологические методы в маркетинговых исследованиях», поскольку эти методы в ней фактически не описаны.

В. Добреньков, А. Кравченко. Методы социологического исследования

М.: МГУ, 2004 г.

Работа В. Добренькова и А. Кравченко «Методы социологических исследований» не удовлетворяет минимальным критериям учебника. Примеров может быть приведено множество, их можно увидеть в каждой главе и в каждом параграфе.

Ограничимся одним примером, посвященным вопросу о композиции социологической анкеты. Этот вопрос рассматривается авторами в главе «Композиция анкеты», параграфе «Структура или композиция?».

Параграф начинается с утверждения, что применительно к построению социологической анкеты следует применять не устаревшее понятие «структура», а новое понятие «композиция».

Важный момент состоит в том, что авторы учебника подают этот тезис не как свое личное мнение, а как общепризнанный факт, ссылаясь на мнение неких не названных «методистов». Рецензент не встречал этого утверждения ни в одной из работ, посвященных разработке социологических анкет. Общепринятым этот тезис назвать нельзя.

Сам по себе этот тезис в его первоначальном значении не может рассматриваться, как неправильный. Авторы имеют право на свою позицию, при условии, что она хорошо обоснована. Проследим за ходом их мысли.

Раскрытие тезиса авторы начинают с разъяснения значения слова «композиция». Рассмотрим этот фрагмент подробно.

- *Композиция – важнейший, организующий элемент художественной формы, придающий произведению единство и цельность, соподчиняющий его компоненты друг другу и целому (здесь и далее стр. 219 – 220).*

Определение слова «композиция» дано правильно, однако удивляет, почему применительно к социологической анкете используется слово «художественный», а сама анкета называется «произведением».

- *В художественной литературе композиция – мотивированное расположение компонентов художественного произведения; компонентом (единицей композиции) считают «отрезок» произведения, в котором сохраняется один способ изображения (характеристика, диалог и т.д.) или единая точка зрения (автора, рассказчика, одного из героев) на изображаемое. Взаиморасположение и взаимодействие этих «отрезков» образуют композиционное единство произведения.*

Здесь авторы продолжают раскрывать смысл термина «композиция» применительно к художественному произведению. Однако в тексте учебника, посвященного методам социологического исследования, эта тема выглядит неуместной.

- *Композицию часто отождествляют как с сюжетом, системой образов, так и со структурой художественного произведения (иногда синонимами понятий «композиция» и «структура» служат слова: «архитектоника, «построение», «конструкция»).*

В этом отрывке авторы пишут о том, что понятия «композиция» и «структура» иногда являются синонимами, что противоречит выдвинутому ими тезису и сводит на нет всю подкрепляющую его аргументацию.

- *Есть и другие значения слова «композиция»: 1) музыкальное, живописное, скульптурное или графическое изображение; 2) произведение, включающее различные виды искусств (например, литературно-музыкальная композиция) или составленное из различных произведений или отрывков; 3) сочинение музыки; учебный предмет в музыкальных учебных заведениях.*

Здесь авторы возвращаются к теме композиции применительно к различным областям искусства. О неуместности такого поворота говорилось выше.

Многие недоумения по поводу приведенных цитат исчезнут, если учесть, что они являются дословным воспроизведением статьи «Композиция» Большого российского энциклопедического словаря. Поскольку цитата дана без ссылки, ее можно назвать плагиатом. Но ограничить вывод констатацией плагиата в данном случае означает не отметить главного – функциональной неуместности данного фрагмента в тексте учебника, посвященного методам социологического исследования.

Продолжим анализ аргументации авторов. Развивая свой тезис о необходимости замены слова «структура» словом «композиция», они пишут:

- *У термина «структура» гораздо меньший послужной список. Он намного беднее в части этимологического разнообразия, имеет всего одно значение.*

Здесь в качестве аргумента, подкрепляющего тезис о необходимости замены слова «структура» словом «композиция» выдвигается бедность этимологического разнообразия первого, а не смысловое несоответствие, как можно было бы ожидать. Бедность этимологического разнообразия не является аргументом, подтверждающим тезис авторов. Налицо очевидное логическое несоответствие.

Далее вновь идет дословная цитата из указанного словаря.

- *Структура – совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, т.е. сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях.*

Доказывает ли эта цитата наличие существенного различия в значениях слов «композиция» и «структура»? Очевидно, нет. Если отсечь от слова «композиция» смысловое разнообразие, касающееся различных жанров искусства (музыки, живописи и т.д.), то в остатке получится что-то очень близкое к значению слова «структура». Поэтому в рассматриваемом контексте эти слова все-таки являются синонимами.

Несколько ранее авторы пишут о структуре следующее.

- *…Термин «структура» предполагает определенную последовательность связанных общим признаком элементов, в том числе анкетных вопросов.*

В контексте рассуждений авторов можно предположить (хотя прямо этого нигде не написано), что под структурой они понимают линейную последовательность элементов, а под «композицией» более сложную – «ветвистую». Однако такая трактовка «структуры» не

вытекает из приведенной ими же цитаты из словаря. Тем не менее, авторы, по-видимому, ее придерживаются, иначе трудно понять значение следующего абзаца.

- *С первого взгляда ясно, что интеллигентная, художественно раскрепощенная композиция выигрывает у армейски суровой структуры количеством и качеством своих практических приложений. Использование композиции для определения науки и искусства составления социологической анкеты кажется более правильным и уместным.*

Этот фрагмент, в отличие от предыдущих не списан со словаря. Скорее всего он написан самими авторами учебника. Но это не делает его более уместным в рассматриваемом контексте. Скорее, наоборот. Удивляет, что ключевой элемент противопоставления «композиция – структура» выражен не четким термином, а метафорическим выражением: «армейски суровая». Еще более странной выглядит характеристика композиции, как «интеллигентной и художественно раскрепощенной», причем в тексте прямо сказано, что речь идет не о композициях вообще, а о композиции социологической анкеты.

Возникает вопрос: как авторы себе представляют интеллигентное и художественно раскрепощенное построение анкеты (равно как и армейски суровое ее построение)? Какого ответа они ждут от студентов, которым в экзаменационном билете достанется вопрос «Композиция анкеты»?

Если суммировать сказанное выше, его можно свести к следующим пунктам.

1. Авторы занялись противопоставлением слов «структура» и «композиция», не имея на то семантических и дидактических оснований. Они не должны были заполнять ограниченный объем учебника (и ограниченный объем памяти учащихся) подробным анализом темы, не имеющей отношения к решению главной задачи – обучению студентов грамотной разработке анкет. Предпринятая авторами попытка углубленного семантического анализа является неуместной.
2. В рамках предпринятого авторами семантического анализа не было приведено убедительных аргументов в пользу того, что различие в значениях слов «структура» и «композиция» является существенным. Авторы вообще не доказали, что применительно к разработке социологических анкет эти слова не являются синонимами. Другими словами, они не справились решением семантической задачи, которую сами же сформулировали (независимо от ее уместности в данном контексте).
3. Фрагмент текста, посвященный семантическому анализу слов «структура» и «композиция», содержит очень много логических и семантических ошибок. Для учебника это неприемлемо.
4. Противопоставление «структуры» и «композиции» авторы подают, как общепринятое в научном сообществе, ссылаясь на разработки неких не названных «методистов». Однако в действительности оно является личным мнением авторов, продуктом их собственной фантазии. Авторы учебников имеют право излагать в них свою личную позицию, но они не вправе подавать ее, как общепринятую.

5. В последующих параграфах рассматриваемой главы авторы нигде не описывают сложных правил компоновки вопросов, которыми они обосновывают необходимость использования слова «композиция». Следуя метафорической терминологии авторов, они описывают скорее «армейски суровый», чем «художественно раскрепощенный» способ построения анкеты. Т.е. авторы не используют понятийный аппарат, созданию которого они уделили так много внимания.
6. Занимая объем учебника рассмотрением надуманной проблемы, авторы не раскрыли много важных вопросов, имеющих прямое отношение к теме разработки социологических анкет. К примеру, они не объяснили, что применительно к разработке анкеты понятие структуры (или композиции) раздваивается: существует аналитическая структура анкеты, которой свойственна строгая логическая упорядоченность, и инструментальная структура, в отношении которой многие методические школы настаивают на необходимости «перемешивания» вопросов, относящихся к разным тематическим блокам.

Список претензий будет неполон, если не добавить, что в учебнике встречаются и просто ложные утверждения. Примеров можно привести много. Остановимся на том, который имеется в рассматриваемом параграфе.

- *Некрасиво оформленная анкета вызывает большее число отказов от участия в опросе, чем анкета с современным дизайном.*

Включив эту фразу в учебник, авторы не объяснили читателю, что анкеты делятся на заполняемые интервьюерами и самозаполняемые респондентами. В современной социологической практике преобладают первые, однако их дизайн строго функционален и предназначен только для интервьюеров. На количество отказов от участия в опросе этот дизайн никак не влияет.

Другое дело – анкеты, предназначенные для самозаполнения. Специальные методические эксперименты, о которых говорят авторы, действительно проводились в 50-е годы прошлого века. Они показали, что дизайн влияет на реакции респондентов, но далеко не всегда в желаемую для исследователя сторону. Если под современным дизайном авторы понимают дизайн яркий, красивый, выполненный в том или ином художественном стиле, то такой дизайн искажает ответы респондентов. В частности, абсолютно недопустим юмористический характер рисунков, который настраивает респондентов на игривый лад и сильно влияет на их ответы.

Авторы могут возразить, что, говоря о «современном» дизайне, они имели в виду формы дизайна, специально разработанные для социологических анкет. Однако о специфике дизайна социологических анкет в учебнике не сказано ни слова. В результате указанная фраза вводит читателя в заблуждение: вместо предупреждения об опасности «слишком хорошего» дизайна авторы фактически настаивают на его необходимости.

Авторы нигде не указывают, что в настоящее время анкеты для самозаполнения практически перестали использоваться.

Выше был проанализирован фрагмент текста учебника Добренькова и Кравченко, расположенный на стр. 319 -320. Объем этого фрагмента составляет около полутора страниц.

Объем данной рецензии, посвященный этому фрагменту, составил более пяти страниц, причем эти пять страниц далеко не исчерпывает содержательных, стилистических и логических претензий к данному тексту. В доказательство еще один пример.

- *Не так давно выяснилось, что помимо чисто логических законов при составлении социологической анкеты действуют еще психологические и эстетические законы.*

Эта фраза сама по себе вроде бы правильна, за исключением вводной части «не так давно», однако заявленная в ней тема нигде больше не раскрывается. Это можно назвать обманом ожиданий читателя (ожиданий обоснованных, поскольку данная тема действительно важна). Кроме того, названная фраза включена в текст в качестве аргумента в пользу предпочтения слова «композиция» слову «структура», однако в дальнейшем авторы не затрагивают психологический и эстетический аспект этого противопоставления.

У автора рецензии нет возможности столь же подробно анализировать другие фрагменты названного учебника. Но он утверждает и может доказать, что данный фрагмент вполне репрезентативен, он не является случайной неудачей авторов. В любом параграфе учебника имеется множество несоответствий, похожих на те, которые были описаны выше.

Учебник В. Добренькова и А. Кравченко «Методы социологических исследований» поверхностен, местами сообщает читателю неверную информацию. Он неполноценно (порой до крайности) раскрывает заявленные в нем темы, подменяет изложение многих вопросов рассуждениями, не относящимися к теме и вообще неуместными в социологическом учебнике. Среди других недостатков следует отметить плохую логическую структуру текстов, влекущую за собой смешение разных тем и потерю значимых тематических блоков. Подача материала плохо структурирована.

В целом учебник не дает возможности читателям полноценно изучить обозначенный в его названии предмет и непригоден к использованию в учебном процессе.

Помимо неприемлемо низкого научного и дидактического качества учебника требует рассмотрения вопрос о наличии в нем значительных объемов неправомерных заимствований чужих текстов без ссылок (плагиата). Выше уже приведен пример с использованием цитат из Большого российского энциклопедического словаря. Проверки требуют и другие фрагменты текста.

О СОЗДАНИИ БЕССМЫСЛЕННЫХ ПСЕВДОНАУЧНЫХ ТЕКСТОВ

(на примере работы Г. Г. Татаровой)

Введение

Данная работа продолжает тему фальсификации гуманитарных научных трудов, начатую нами в статье «О создании научных работ методом компилятивного списывания».

Объектом исследования является публикация Г. Г. Татаровой «Когерентность интеграционных процессов как условие повышения качества эмпирических исследований в России».[5] Поводом для выбора стало официальное заявление главного редактора журнала «Социс» Г. Ключарева о том, что данное академическое издание занимается теорией и методологией, а вопросы методики социологических исследований являются для него слишком «приземленными».

Учитывая, что Татарова специализируется именно на методологии, я решил посмотреть, что именно эта методология из себя представляет. Конкретно объектом изучения стала последняя статья названного автора, опубликованная в этом журнале и выявленная поисковой системой. Гипотеза о бессмысленности текста поначалу не выдвигалась, предполагался пересказ позитивистской доктрины в русле методологии В. Ядова. Отсутствие смысла было выявлено в ходе изучения данной статьи.

Основная цель этой моей работы – доказательство отсутствия смысла в работе Татаровой. Задачей является не персональная критика ее автора, а констатация существования определенного класса лишенных смысла текстов на примере рассматриваемой публикации. Сама возможность существования таких текстов была для меня открытием.

Бессмысленность анализируемого текста проявляется в том, что нем описываются явления и процессы, не существующие в действительности. Используемые в ней основные понятия – интеграция методологии, интеграция сообщества и когерентность – не имеют эквивалентов в реальной жизни. То же касается и других основных понятий: профессионального заболевания, травмы и др. Соответственно, между ними нет и не может быть причинно-следственных или иных взаимосвязей.

Следствием является отсутствие композиции, движения мысли от посылок к выводам. Логическая связность текста подменяется ассоциативной, описанной в фантастической повести Фрица Лейбера (см. предыдущую статью). Мысль автора перетекает из одной в другую, не создавая осмысленного целого.

Выявление отсутствия смысла – сложная проблема. Сознание читателя сопротивляется таком выводу, пытаясь интерпретировать текст и внося в него вторичные смыслы, отсутствующие в первоисточнике. Таким образом у читателя поначалу возникает ложное ощущение осмысленности. Но при попытке дальнейшего чтения читатель наталкиваются на новые смысловые и логические нестыковки. Осознание того, что эти нестыковки

[5] Социологические исследования № 7. 2014. С. 72-84.

являются системным свойством текста, приходит далеко не сразу и требует значительных интеллектуальных усилий.

Анализ основных понятий рассматриваемой статьи

Главная мысль статьи содержится, очевидно, в следующем абзаце.

- *Позиция автора состоит в том, что в отечественном профессиональном сообществе существуют внутренние ресурсы для "модернизации" своей деятельности, но их реализация возможна лишь при условии когерентности (согласованности, соотнесенности) процессов интеграции методологического знания и интеграции профессионального сообщества.*

Не будем углубляться в вопрос о том, что автор понимает под «модернизацией». Перейдем к понятиям «интеграции» и «когерентности», вынесенным в заголовок статьи.

Интеграция методологического знания

Татарова следующим образом объясняет смысл этого выражения.

- *Под интеграцией методологического знания мы понимаем процесс, включающий "инвентаризацию" совокупности инструментальных средств как целостности.*

Отметим, что выражение «методологическое знание» является тавтологией, поскольку ***«логия»*** (от греч. λόγος — слово, мысль, счёт) — это **составная часть сложных слов,** означающая **«наука, знание, учение».** Правильно было бы сказать просто «методология». Но это частность.

- *Под понятием "методологическое знание" мы понимаем всю совокупность инструментальных средств, включая общенаучные методы познания и логические схемы умозаключений, существующие в социологических теориях.*

Итак, Татарова считает необходимым осуществить интеграцию совокупности инструментальных средств, включая «общенаучные методы познания и логические схемы умозаключений». Начнем с логической составляющей. Инструменты логики – это силлогизмы, индукция, дедукция и абдукция, создание логических связей и т.д. Разумеется, в любой осмысленной работе эти инструменты положены в основу создаваемого текста. Нужна ли им какая-то дополнительная «интеграция», и что она означает? В учебниках логики такого понятия нет.

Теперь о «совокупности инструментальных средств познания», существующих в социологических теориях. В тексте отсутствует пояснение, что это означает. Можно предположить, что речь идет о методах эмпирического исследования: количественных и качественных опросах, наблюдении, контент-анализе, математических методах и т.д. Нередко эти методы используются совместно, это называется ***триангуляция***. Но триангуляция не бывает сама по себе, она используется в конкретных конфигурациях

применительно к конкретным задачам. «Триангуляцию вообще» осуществить нельзя, поскольку такой методической операции не существует.

Возникает вопрос: что такое интеграция? Это синоним триангуляции или что-то иное? В тексте отсутствуют нужные пояснения. Без них данное понятие становится бессмысленным.

Интеграция профессионального сообщества

В понимании Татаровой речь идет о следующем.

- *Под интеграцией сообщества понимаем расширение новых форм научной коммуникации, профессионального сотрудничества (коллаборации), открывающегося в связи с расширением сетевой (онлайн) коммуникации.*

Интересно, что в этом отрывке автор говорит только о новых формах онлайн коммуникации, хотя в другом месте, наоборот, призывает к активизации старых форм общения.

- *Может, имеет смысл обратиться к старым формам сотрудничества на отдельных предметных полях, но опираясь на принцип открытости, прозрачности процедур сбора и анализа данных?*

Сказанное можно понять так, что автор призывает членов профессионального сообщества к активизации профессионального общения на основе старых и новых форм коммуникации. Результатом этого, вероятно, должно стать превращение его в коллективный субъект («целостность»), который должен осуществить интеграцию методологического знания.

Если Татарова призывает социологическое сообщество к интеграции, то его сегодняшнее состояние следует признать дезинтегрированным? В чем это выражается?

Даже если назвать «интеграцией» активизацию общения (нарушается принцип «бритвы Оккама»), каким образом социологическое сообщество может превратиться (или его слеует превратить) в целостный коллективный субъект, обладающей единой волей к интеграции методологии?

Наконец, возникает вопрос: что конкретно должен делать член сообщества, например, С.А. Белановский, для такой интеграции? Если Татарова препятствует публикации его статей, то как это соотносится с тезисом о необходимости интеграции? Является ли профессиональный конфликт Белановского и Татаровой интеграцией или дезинтеграцией? Как можно преодолеть эту дезинтеграцию?

Когерентность

Наиболее ясно смысл этого понятия раскрыт в аннотации.

- *[В статье] обосновывается положение о том, что процессы интеграции методологического знания и интеграции социологического сообщества должны*

носить когерентный характер для его успешного функционирования как целостности.

Термин «когерентность» взят из физики, где он означает согласованность или упорядоченность. Примерно так его трактует и Татарова.

- *[Под когерентностью понимается] согласованность, соотнесенность процессов интеграции методологического знания и интеграции профессионального сообщества.*

Таким образом, согласно Татаровой, процессы интеграции методологического знания и интеграции профессионального сообщества являются автономными, независимыми друг от друга, но для повышения качества эмпирических исследований они должны протекать согласованно.

Возникает вопрос: что значит согласованно? Синхронно, или как-то еще? Если синхронно, то должны быть названы какие-то временные параметры. И самое главное: кто и как должен обеспечивать согласованность?

Если субъектом действия является «социологическое сообщество, как целостность», то согласованность процессов интеграции должна обеспечиваться сама собой благодаря наличию причинно-следственной связи с процессом разработки «интегрировнной» методологии. В этом случае необходимость в некоем промежуточном «когерирующем» механизме отпадает. Если сообщество не является субъектом, кто и как обеспечивает когерентность?

Очевидно, несуразность понятия «когерентность» оказалась чрезмерной даже для самой Татаровой, поскольку оно фигурирует лишь в самом начале статьи, а затем исчезает из текста и ***не появляется даже в заключении***.

Профессиональное заболевание социологов-эмпириков

Это понятие названо в статье базовым, но оно нигде не определено и не описано. Сказано лишь, что «заболевание» снижает качество эмпирических исследований.

По смыслу, «заболевание» должно быть следствием названной выше дезинтеграции методологии и сообщества, а также отсутствия когерентности между ними, но эта связь нигде не прослежена. Не показано также, каким образом «заболевание» снижает качество эмпирических исследований.

Описание «заболевания» подменено описанием его симптомов. Подмена неправомерна, поскольку симптом — это не само заболевание, а лишь его характерный признак. В медицине врач при постановке диагноза ориентируется, как правило, на 3 – 5 основных симптомов. Татарова подменяет понятие «заболевания» перечнем из 20 симптомов. Обращает на себя внимание не только большое их количество, но и маловероятное в жизни круглое число. Перечисленные симптомы не складываются в целостную картину «заболевания».

Список «симптомов», не отличимых от названных Татаровой, легко может быть увеличен до бесконечности, поскольку нет критерия их релевантности. Понятие симптома утрачивает смысл, если не указано, признаком чего именно он является.

Профессиональное заболевание социологов-эмпириков, о котором пишет Татарова, в действительности не существует, ибо не может существовать то, чему не дано определение.

Профессиональная травма

Это тоже одно из основных понятий статьи, которым Татарова обозначает якобы существующую растерянность социологов.

- *Понятие травмы введено нами для обозначения ситуации растерянности исследователей перед обилием социологических теорий, методологий, методов в процессе принятия решений о выборе средств познавательной деятельности.*

Далее Татарова со ссылкой на Дж. Алексендера и П. Штомпку сообщает, что травма является разновидностью культурного шока, о котором пишут названные авторы. Однако в их понимании травма – это память о драматическом событии, которое отпечаталось в памяти и оставило неизгладимый след в коллективном сознании. Татарова же определяет травму как шок от якобы существующего обилия социологических теорий. Ссылки на Александера и Штомпку заведомо ложны. За такие подмены автора следовало бы лишить ученых степеней.

Российские социологи не испытывают никакой профессиональной травмы, в актуальном исследовательском поле нет изобилия социологических теорий, нет шока и нет растерянности от этого. Все это, простите за выражение, вранье. Как и в предыдущих случаях, Татарова анализирует придуманную ею псевдо-проблему, занимаясь игрой в слова, не имеющие эмпирических референтов.

Заключение

Анализируемая статья представляет собой образец лишенного смысла квази-научного текста. Саму возможность существования таких текстов следует считать эпистемологическим и филологическим открытием.

Главной особенностью бессмысленного текста является отсутствие в нем композиционного замысла. Нет мысли, которую автор последовательно раскрывает, переходя от посылок к выводам. Вместо этого текст представляет собой поток высказываний, соединенных между собой ассоциативными связями. Единая логическая линия не прослеживается. Каждый следующий фрагмент не вытекает из предыдущего.

Вторая особенность состоит в следующем. Наука работает с понятиями, при помощи которых она оперирует явлениями. В квази-научном тексте понятия отрываются от

явлений, и живут самостоятельной фантазийной жизнью, описывая несуществующие явления и процессы.

Видимость осмысленности текста создается за счет использования понятий с нечетким смыслом. Имитация смысла достигается за счет «научно» звучащих слов, не имеющих эмпирических референтов. Примером может служить название анализируемой статьи: «Когерентность интеграционных процессов как условие повышения качества эмпирических исследований в России». «Научное» звучание этой фразы достигается за счет неправомерного переноса в социологическую статью понятий из других областей знания.

В науке бывают случаи междисциплинарного переноса терминов для повышения точности выражения мысли. Однако при этом автор должен объяснить читателю новый смысл слова и мотивы его использования в контексте данной работы.

В статье Татаровой ситуация противоположна. Имитация осмысленности достигается за счет размывания смысла понятий, используемых в несвойственных им значениях. Это расширяет диапазон возможных пониманий и создает основу для вторичных трактовок, с помощью которых читатель пытается внести смысл бессмысленный текст.

Особенно хорошо это видно на примере терминов «интеграция» и «когерентность». Выше было показано, что словом «интеграция» Татарова обозначает такие принципиально разные явления, как триангуляция методов и активизация профессионального общения, а «когерентность» в контексте статьи вообще не поддается осмысленной трактовке.

Причиной выбора названия статьи является его словесная красота. В этом аспекте надо признать за автором определенный талант. Если перевести эту фразу на обычный язык, получится что-то вроде «Триангуляция методов за счет синхронной активизации профессионального общения». Фраза становится не только очевидно бессмысленной, но и некрасивой.

Создается впечатление, что бессмыслица квази-научных текстов в российских гуманитарных науках – распространенное, но не идентифицированное явление. Нами это показано на примере социологических учебников О. Мельниковой, М. Власовой и В. Добренькова – А. Кравченко, которые мы тоже причисляем к бессмысленным. Подозрительны в этом плане работы Г. Батыгина, считающегося классиком российской теоретической социологии и методологии.

Драматизм ситуации усугубляется тем, что среди российских социологов Татарова считается уважаемым и авторитетным ученым, входит в состав ВАКа и в этой роли оценивает качество диссертационных работ. Определяет политику журнала «Социологические исследования». Воспитывает аспирантов. Это характеризует масштаб катастрофы, постигшей российскую гуманитарную науку.

Приглашение к обсуждению

Известно, что в Институте социологии ФНИСЦ РАН есть люди, считающие себя учениками Татаровой, которым она помогала публиковаться и защищать диссертации. Некоторые из

них возмущены моей критикой, считая ее «граничащей с клеветой». Предлагаю, не используя оценочных выражений, организовать научное обсуждение этого вопроса.

При этом мне бы хотелось, чтобы обсуждение пошло по содержательному пути, проясняя, а не затемняя суть спора. Неконструктивных путей дискуссии я вижу два. Первый состоит в том, что оппонент сосредоточится на критике моей критики, будет искать в моих рецензиях некорректные, по его мнению, высказывания, противоречия и т.п. По опыту подобных обсуждений скажу, что этот путь абсолютно бесперспективен. Сумма частностей не образует целого. В рамках таких дискуссий появляются новые противоречия, возникают ответы на ответы, уводящие в сторону от темы. Читать такие полемики становится невозможно, поэтому их никто и не читает.

Второй путь неконструктивной дискуссии я вижу в том, что ответом на критику станет большой, мутный и неструктурированный текст с «плывущей» аргументацией. В таких текстах отсутствует ясно сформулированное смысловое ядро. Спорить с ними бессмысленно, поскольку несогласия возникают по поводу каждого абзаца. Вновь возникают возражения на возражения, которые могут продолжаться до бесконечности.

Оба названных варианта ответа я считаю тупиковыми, т.к. в обоих случаях речь идет о создании невразумительных и нечитаемых текстов, которые, однако, позволят сказать, что Белановский в своей критике оскорбил и оклеветал Татарову, поэтому обсуждать больше нечего.

Чтобы избежать такого развития дискуссии, предлагаю моим будущим оппонентам не погружаться в «методологические» дебри, а высказаться по существу, т.е. дать короткие и ясные ответы на следующие вопросы.

1. Что такое интеграция методологического знания? Означает ли это понятие, что сегодняшнее методологические знание дезинтегрировано? В чем это выражается? Как это влияет на качество исследований?
2. Что должно стать результатом интеграции методологического знания? Это новый учебник или монография, либо что-то совершенно иное? Результат интеграции должен быть зафиксирован на материальном носителе?
3. Что такое интеграция социологического сообщества? Это создание коллектива, нацеленного на решение некой общей задачи, или что-то иное? Что означает выражение «сообщество как целостность»?
4. Кто входит, и кто не входит в «целостное» социологическое сообщество? Предполагается ли создание персонального списка? Входят в это сообщество рисерчеры? Каким образом предполагается их интегрировать? Включает ли Татарова в сообщество меня, Белановского, критикующего ее работы? Как она собирается меня интегрировать?
5. Что такое когерентность между двумя интеграциями? Это согласованное во времени (синхронное) изменение состава авторского коллектива по мере написания глав и параграфов интегрированной монографии, или что-то иное?

6. Кто является субъектом действия в схеме Татаровой? Попросту говоря, кто организует две когерентные интеграции? Или это стихийные процессы, протекающие сами собой? Но тогда кто обеспечивает их согласованность?
7. Каков операциональный смысл понятий «интеграция» и «когерентность»? Такие понятия, как «триангуляция», «синхронность» и «коллектив» имеют операциональное значение, а как насчет интеграции и когерентности в рассматриваемом контексте?
8. Ведут ли две когерентные интеграции к какому-то конкретному результату, или это бесконечный процесс типа «непрерывного улучшения» (штамп советской эпохи)? Иными словами, речь идет о двух *непрерывных* интеграциях и *непрерывной* когерентности, или у этих процессов есть некий финал?
9. Что такое «профессиональное заболевание» социологического сообщества и как оно влияет на качество эмпирических исследований? Что автор понимает под качеством эмпирического исследования?
10. Признает ли мой будущий оппонент, что понятие «травма», определяемое через понятие «культурного шока» со ссылкой на Александера и Штомпку – грубая подтасовка? Каково его мнение по этому вопросу?

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОБСУЖДЕНИЯ

Ниже я продолжаю обсуждение работы Г. Татаровой в аспектах, не рассмотренных ранее.

Про вечное и ветхое

В предыдущей рецензии я обосновал тезис о том, что обсуждаемая статья Г. Татаровой бессмысленна в том же смысле, в каком и сгенерированный Михаилом Гельфандом компьютерный текст «Корчеватель».[6] Однако при обсуждении в соцсетях в этот вывод был подвергнут сомнению, что вынуждает меня продолжить анализ.

Оказалось, что доказать бессмысленность текста очень трудно. Можно ли доказать бессмысленность статьи «Корчеватель»? Как ни странно, никто не ставил такой задачи. Все полагались на сообщение его автора, что он был таким и задуман. Но субъективно высказанное намерение – не доказательство.

В предыдущей рецензии я анализировал макроуровень статьи, ее общую логику (точнее, ее отсутствие). Но бессмысленность проявляется и на микроуровне, т.е. буквально в каждом абзаце и каждой фразе. Остановимся на следующем фрагменте.

- *Как известно, <u>в каждой теории есть вечное и ветхое.</u> К первому из них относятся исследовательские инструменты (методы, логические схемы, когнитивные карты, структурные модели) изучения жизнедеятельности общества, групп, личностей во всех возможных проявлениях и контекстах (что относится ко второму в статье не сказано – С.Б.)*

Рассмотрим самую первую фразу, которая является предметом нашего анализа: «*В каждой теории есть вечное и ветхое».* Фраза сформулирована, как универсальная, поэтому должна быть применима к любым теориям. Проверим это на практике.

1. Возьмем теории, описывающие движение планет по небосводу. Первую такую теорию разработал Птолемей, создавший геоцентрическую модель вращения небесных тел. Проблема была в том, что планеты на небе движутся неравномерно. Время от времени они замедляются, останавливаются, движутся назад (попятное движение), снова продолжают движение, меняют яркость. Птолемей создал теорию эпициклов, на основе которой разработал математическую модель, с удивительной точностью описывающую эти явления.

Спустя почти два тысячелетия Коперник выдвинул альтернативную теорию с круговыми орбитами движения планет вокруг Солнца. Важны при этом две вещи. Во-первых, выдвижение новой теории было связано не с «обветшанием» прежней, а с решением мировозренческого вопроса о том, что является центром Вселенной. Во-вторых, теория Коперника хуже (с бОльшими расхождениями) описывала движения планет. Ситуацию исправил лишь Кеплер, выдвинувший тезис о том, что орбиты планет не круговые, а эллиптические.

[6] https://ria.ru/20081001/151750233.html

Исходя из этого вопрос к Татаровой: что в теории Птолемея следует считает вечным, и что ветхим? Вечно, конечно же, движение планет, но это явление, а не теория. А если взять теорию эпициклов, что в ней вечное или ветхое?

2. Всем известна фантастическая повесть А. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». В момент написания это была не совсем фантастика. Создание теплового луча считалось возможным, в такие исследования вкладывались большие средства. Лишь с развитием квантовой механики была осознана его принципиальная невозможность. Созданный позднее лазер работает на совсем ином принципе, чем оптический прибор Гарина. Причем, лазерный луч тоже повержен дифракции, что снижет его эффективность, как оружия. Вопрос к Татаровой: что в идее оптического теплового луча является вечным, и что ветхим?

3. Перейдем к социологии. Структурно-функциональная теория Парсонса одно время считалась вершиной социологически мысли, но затем была ниспровергнута следующим поколением молодых социологов. Что в трудах Парсонса следует считать вечным и что ветхим?

Фраза «*в каждой теории есть вечное и ветхое»* некорректна с точки зрения стилистики. Слово «вечный» относится к философской, религиозной или поэтической, но не к научной лексике. В науке слово «вечность» используется крайне редко. Тем более оно неприменимо к конкретным научным теориям. Вряд ли теорию относительности Эйнштейна или теорию эволюции Дарвина можно назвать «вечными», несмотря на их общепризнанность.

Тем более к научным теориям неприменимо слово «ветхое». «Ветхий» описывает физический износ материальных объектов (ветхая одежда, ветхий дом). Перенос этого признака на абстрактную конструкцию, т.е. теорию, неправомерно. Теория может быть устаревшей, опровергнутой, несостоятельной, но не ветхой.

Анализируемая фраза показывает, что при создании текстов Татарова ориентируется не на смысловые, а на ассоциативные и эстетические связи между словами и фразами. Утрата смысла обменивается на словесную красоту. Эстетически красивая, но бессмысленная фраза про вечное и ветхое является примером такого мышления.

Ученикам и единомышленникам Татаровой предлагаю определить, что является вечным и что ветхим в ее собственных трудах.

Пример псевдо-научной фантазии

В чем разница между продуктом научного творчества и псевдо-научной фантазией? Мое мнение: околонаучные фантазии оперируют понятиями, не имеющими эмпирических референтов, иначе говоря, неоперациональными. Устанавливают несуществующие связи между несуществующими явлениями.

Возьмем для примера схему Татаровой о двух интеграциях и разовьем ее в тех же физических терминах, которые использовала она сама.

- *Наша позиция состоит в том, что процессы интеграции осуществляются не непрерывно, а дискретными порциями, т.е. квантами. Каждый из них означает определенный шаг в методологическом или организационном развитии. По этой причине обе интеграции имеют смешанную корпускулярно-волновую природу. Это означает, что при лечении профессионального заболевания необходимо учитывать принцип неопределенности Гейзенберга, согласно которому, зафиксировав состояние одной интеграции, мы принципиально не можем сделать это для другой. Когерентность между интеграциями обеспечивается эффектом квантовой запутанности, однако неустойчивость этого явления создает проблему при практическом применении. Этот вопрос требует дальнейшего изучения.*

Бессмысленность этого текста кажется очевидной, но в действительности требует доказательств, которые непросто сформулировать. Как ни странно, не распознал бессмыслицу даже искусственный интеллект. На просьбу объяснить смысл текста он ответил.

- *Процессы интеграции носят сложный, нелинейный и внутренне противоречивый характер. Они развиваются не плавно, а скачками (квантами), и их взаимосвязь напоминает квантово-механические явления: одновременный контроль над разными аспектами интеграции принципиально затруднён (принцип неопределённости), а их согласованность (запутанность) — неустойчива. Это создаёт серьёзные практические challenges и требует новых подходов к управлению и изучению таких процессов.*

Сложность диагностики бессмысленных текстов – одна из причин, делающих возможным их появление в научных изданиях. Очевидно, что ИИ следует специально тренировать на их распознание.

«Методология» в прикладном исследовании

В этом фрагменте я опишу кейс про «методологию», не имеющий прямого отношения к статье Татаровой, но иллюстрирующий тезис о бессмысленности подобных текстов.

Мне известна следующая история. Некий заказчик (возможно, правительство Москвы) решил изучить мотивы подписания контрактов на участие в СВО. Я не обсуждаю этическую сторону вопроса, рассказываю, как есть. Заключили договор женщиной, доктором социологических наук. Хорошо заплатили. Та разработала анкету, провела опрос, написала отчет объемом более 200 страниц.

Заказчики были в шоке. Половину этого объема занимала «Методология». Про нее заказчик сказал, что в ней было написано непонятно что и непонятно зачем. Предполагаю, что это был текст в духе Татаровой.

В содержательной части отчета было много таблиц, но не было ясного ответа на изначальный вопрос: по каким мотивам люди подписывают контракт?

Сделали новый заказ другому доктору наук и получили такой же результат. Наконец, догадались обратиться к рисерчеру, который провел фокус-группы и сделал компактный вменяемый отчет.

Мне эта история кажется очень похожей на правду. С российской академической социологией явно что-то не так, а вот с прикладной все очень даже неплохо. Российские модераторы ни в чем не уступают американским – сужу, с одной стороны, по моим интервью, а с другой – по публикациям в американских журналах. Совпадают многие не просто мысли, но даже формулировки.

Что произошло с российской академической социологией? Она переродилась, причины требуют осмысления. Она из причин, не главная, - требования государственного заказчика. Когда я работал в РАНХиГС, мне приходилось писать отчеты. Требовалось не менее 300 страниц, это в 5 – 10 раз превышало разумный (с точки зрения имеющихся данных) объем текста. Позднее эти отчеты публиковались под именем нескольких авторов, в том числе и меня, но я не включаю их в список своих публикаций, потому что из-за раздутого объема их невозможно читать.

Но есть много ученых, которые считают этот порядок естественным и привыкли раздувать объемы своих работ, зачастую заполняя их откровенной бессмыслицей. По себе знаю, что в этот процесс можно втянуться и получать странное удовольствие от того, как ловко получается накачивать объем и получать за это соответствующие плюшки. При таком формате работы даже осмысленный результат настолько разбавляется методологической «водой», что превращается в бессмыслицу.

Друзья, как увидите слово «методология», сразу бегите!

Часть 2.

ЭКСПЕРТИЗА И ПСЕВДОЭКСПЕРТИЗА

КРИЗИС ИНСТИТУТА ЭКСПЕРТИЗЫ

В последнее время (2005 г.) в СМИ появились публикации, в которых обсуждались результаты исследования «Оценка состояния Российской Академии Наук».[7] Я, автор этого исследования, хочу ответить на эти публикации и разъяснить свою позицию по обсуждаемому вопросу. Подчеркну, что это будет мое личное мнение, а не мнение Центра стратегических разработок, в котором была выполнена названная работа.

Любые разговоры об институциональном устройстве академической науки следует начать с того, что существует наука и псевдонаука. Основное внимание я намерен уделить второй, но начать следует с первой.

К сожалению, даже подлинная наука должна объяснять обществу, зачем она ему нужна. История науки знает много примеров, когда перспективные научные направления не развивались из-за того, что их лидеры не сумели решить эту задачу.

И с моральной, и с практической точек зрения этот вопрос не столь однозначен, как кажется. Кто может сегодня безоговорочно доказать, что российскому обществу следует тратить деньги на организацию пилотируемого полета на Марс, а не на развитие медицины или строительство дорог?

Еще в далекие советские 70-е годы среди российского населения было распространено мнение о том, что Советскому Союзу следует меньше тратить денег на космонавтику и больше на повышение уровня жизни людей. В конце 80-х годов эти настроения были зафиксированы начавшимися тогда социологическими опросами. Уступая этим настроениям, М.С. Горбачев снизил финансирование космической отрасли. Было ли это ошибкой? Возможно. Но приходится помнить, что в демократическом обществе источником власти является народ. И если ученые не могут убедить народ в необходимости своих разработок, то кто виноват – народ или они сами?

Все это говорится к тому, что даже наличие реальных научных и технологических перспектив (например, полета на Марс) не является безусловным аргументом в пользу финансирования соответствующей программы. Академическим ученым не нужно, наверное, объяснять аксиому экономической теории: экономика – это наука о распределении *ограниченных* ресурсов. Поэтому наличие научных заделов само по себе не может являться автоматическим основанием для их финансирования. Аргументом – может, но только в конкурентной борьбе с иными проектами.

Здесь мы переходим к вопросу о качестве научных аргументов и, что еще важнее, о том, что может стоять за этими аргументами. Другими словами, мы переходим к вопросу о качестве научной экспертизы. Такая экспертиза включает в себя две составляющие: экономическую и собственно научную. Под экономической понимается не обязательно ориентация на извлечение прибыли. Речь идет о целесообразности выделения средств, которое может быть по-разному мотивировано. Что касается собственно научной

[7] Белановский С.А. Наука и ВУЗы // М.: Невидимый колледж, 2026.

экспертизы, то она должна оценить реалистичность замысла, положенного в основу проекта.

Что такое наука? Это особая отрасль человеческой деятельности, в основе которой лежит строгое следование логике и честность мышления. Другими словами, наука – это «внутренняя сила обоснованных аргументов» (выражение философа С. Тулмина).

Научные аргументы сложны и непонятны ненаучному обществу. Именно это делает науку хрупким общественным феноменом. Условием ее выживания является развитая сеть внешних и внутренних экспертиз, которые обобщенно можно назвать институтом экспертизы. Слабость экспертизы – и уж тем более ее коррумпированность – приводят к перерождению науки, превращению ее в псевдонауку.

В мире нет ничего совершенного, и любая наука включает в себя в каких-то пропорциях как подлинную, так и псевдонауку. Борьба между ними неизбежна как часть борьбы между Добром и Злом. Но пропорции между этими началами могут быть разными.

Какова сейчас ситуация в России? Что побеждает – наука или псевдонаука? Мое мнение - доминирует псевдонаука, но у подлинной науки есть шанс выжить.

К оценке соотношения науки и псевдонауки можно подойти по-разному. Можно со статистической точки зрения. Например, по нашей оценке, основанной на процедуре кластерного анализа результатов социологического опроса, среди научного персонала РАН около 40% действующих ученых и 60% «балласта». Это соотношение подтверждается многими экспертными высказываниями российских ученых. Кстати, это не такой уж плохой результат, изначально можно было ожидать худшего. Однако оппоненты сомневаются в валидности нашей методики. Вероятно, они настаивают на 100%?

Сомневаться – их право. Тем, кому не понравилась наша методика кластеризации, можно предложить другую. Для начала в порядке мысленного эксперимента. В России ежегодно защищаются сотни диссертаций, в том числе докторских. Все ли они соответствуют критериям ВАКа, в теории достаточно строгим? Для ответа на этот вопрос было бы хорошо взять определенную выборку диссертаций и подвергнуть ее независимой экспертизе, желательно международной. Будет ли результат равным 100%? Все ли кандидаты и доктора наук получили свои степени заслуженно? Продолжая вопрос – все ли академики получили свои звания заслуженно?

При отсутствии (пока что) точного количественного ответа обратимся к анализу отдельных случаев. Докажем эмпирическим путем следующее утверждение: «Не все академики РАН достойны называться учеными как по научным, так и моральным по критериям».

Многие помнят, что в 1972 году по приказу ЦК КПСС был разгромлен Институт конкретных социологических исследований АН СССР (ныне ИС РАН). Прежний директор института А.М. Румянцев был отстранен от должности, и на его место был назначен преподаватель научного коммунизма из Свердловска, член-корреспондент АН СССР М.Н. Руткевич. Первым деянием Руткевича было уничтожение уже готового тиража книги «Структурно-функциональный анализ в современной социологии», содержавшей переводы Т. Парсонса и других зарубежных теоретиков социологии. Причем надо отметить, что Т. Парсонс

никоим образом не был враждебно настроен по отношению к СССР. Напротив, он относился к нему дружелюбно и возглавлял Комитет по контактам с советской социологией, учрежденный Американской социологической ассоциацией.

Эту далекую историю можно было бы не вспоминать, если бы не следующее обстоятельство. В 1988 г., когда вовсю шла горбачевская перестройка и ни о каком давлении со стороны властей уже не было речи, М.Н. Руткевич был избран член-корром АН СССР, а его приспешник Г.В. Осипов, бывший секретарь парторганизации ИКСИ, – полным академиком (ныне, в 2026 г., это уважаемый человек, член Ученого совета ФНИСЦ РАН).

Господа академики, разрешите задать вопрос: если у вас принято принимать в свои ряды тех, кто «прославил» себя уничтожением научных книг, на какое общественное доверие вы рассчитываете? И еще: вы действительно читали научные труды этих «ученых»? Я, например, читал. Вынужден был читать при подготовке к кандидатским экзаменам. Утверждаю и могу доказать, что это псевдонаука. Попросту говоря, демагогия. Может быть, у кого-то из академиков другое мнение? Прошу высказаться, буду рад ознакомиться.

Могут возразить, что горбачевские времена остались далеко в прошлом. Хорошо, посмотрим, какова нынешняя практика избрания в академики. Ниже приведены фамилии людей, ставших академиками и член-коррами уже в постсоветское время.

Приводя этот список, я не ставлю под сомнение хозяйственную компетентность этих людей в тех сферах, где они работают. Я хочу лишь спросить: эти люди действительно имеют столь же значимые заслуги перед российской фундаментальной наукой, как, например, академики И.Е. Тамм, А.Ф. Иоффе, А.Д. Сахаров и другие знаменитые российские ученые? Действительно ли эти люди избраны академиками по научным критериям?

- Ишаев Виктор Иванович, губернатор Хабаровского края, с 22 мая 2003 года член-корреспондент РАН по отделению общественных наук.
- Систер Владимир Григорьевич, генеральный директор ОАО «Московский комитет по науке и технологиям», с 22 мая 2003 года член-корреспондент по отделению химии и наук о материалах.
- Кузык Борис Николаевич, генеральный директор холдинга «Новые программы и концепции», с 22 мая 2003 года член-корреспондент по отделению общественных наук.
- Алешин Борис Сергеевич, заместитель председателя Правительства РФ, с 22 мая 2003 года член-корреспондент РАН по отделению энергетики, машиностроения, механики и процессов управления.
- Кирпичников Михаил Петрович, начальник Департамента науки и образования Аппарата Правительства Российской Федерации, с 29 мая 1997 года академик РАН по отделению физико-химической биологии.
- Хасбулатов Руслан Имранович, экс-председатель Верховного Совета РСФСР, с 7 декабря 1991 года (это как раз период председательства) член-корреспондент по отделению общественных наук.

Вернемся к диссертациям. Здесь возникают похожие вопросы. К примеру, в 1995 году доктором философских наук стал Геннадий Андреевич Зюганов, а в 1998 ту же ученую степень получил Владимир Вольфович Жириновский.

Могут возразить, что они защищались не в институтах РАН. Действительно, Зюганов защитился в Международной неправительственной научно-исследовательской и образовательной организации «РАУ-Корпорация», а Жириновский на социологическом факультете МГУ. Однако ведущая организация у обоих соискателей была академическая – Институт социально-политических исследований РАН. Кроме того, обе диссертации утверждались ВАКом, в экспертном совете которого присутствовали представители академических институтов. Может быть, кто-то из них возразил, высказал особое мнение? К сожалению, широкой общественности об этом ничего не известно.

Могут также возразить, что я ничего не говорю о содержании диссертаций Зюганова и Жириновского. Может быть, они и в самом деле совершили важные научные открытия, внесли серьезный вклад в отечественную и мировую науку? Не стану высказывать свое мнение. Предлагаю публично высказаться моим оппонентам – уважаемому академику В.С. Степину и доктору философских наук А.П. Огурцову. Пусть они оценят научное качество этих работ. И заодно выскажут свое мнение о том, подтверждается ли предшествующей научной деятельностью и публикациями *личный* вклад названных авторов в написанные ими работы (попросту говоря – нет ли сомнений в том, что они лично их написали, как того требует документ ВАКа).

О гуманитарных науках следует сказать особо. Использованный нами метод кластеризации показал, что доля эффективных ученых в гуманитарном секторе академической науки заметно снижена – всего 13%. Наши оппоненты считают, что этого слишком мало и опять-таки говорят о некорректности методики. Что ж, любая методика уязвима для критики. Как сказал Гекльбери Финн, «чужого клеща не трудно охаять». Но ведь есть и иного рода общедоступная информация, хотя она и не выражена в статистических показателях (но при желании ее можно выразить).

Всем известно, что в советское время естественные науки имели реальные достижения, в основном связанные с военно-промышленным комплексом, но все же. А про гуманитарные науки этого, к сожалению, сказать нельзя, в них доминировала идеология. И халтура под прикрытием этой идеологии. Поэтому ученая степень доктора физико-математических наук могла значимо коррелировать с научными достижениями ученого, а степень доктора философских наук – гораздо менее значимо (если эта корреляция вообще была положительной).

Сегодня эта ситуация если изменилась, то вряд ли в лучшую сторону. Написание и защита диссертаций поставлены на коммерческий поток, их пишут по заказу десятки фирм, специализирующихся в этой области. Реклама таких фирм широко публикуется в Интернете и в печатных СМИ. Существуют специальные сайты, предлагающие услуги по написанию диссертаций.

В нашем исследовании мы изучили деятельность таких фирм, провели ряд интервью с их представителями. Выяснилось, что за написание диссертаций по не-гуманитарным дисциплинам эти фирмы берутся неохотно и выставляют б***о***льшие цены, чем за гуманитарные. А заказать гуманитарную диссертацию нет никаких проблем (например, по философии или экономике). Причем представители фирм уверяют, что написаны они будут грамотно, кандидатами и докторами наук. В действительности их чаще пишут аспиранты, но это уже частность, рекламное преувеличение. А то, что успешно защищаются практически 100% таких диссертаций, скорее всего, правда. Цена 1,5 – 2 тысячи долларов за диссертационный «кирпич» для делового человека не деньги, да и многим молодым «ученым» по силам.

Отвлекаясь от вопроса о личном авторстве, можно ли считать эти диссертации полноценными научными трудами? Маловероятно. Может быть, они неплохо написаны с точки зрения имитации научной стилистики и соблюдения формальных требований ВАКа. Но содержать в себе реальные научные открытия? Не слишком ли легко формируется в нашей стране поток научных идей? Не слишком ли гениальная у нас страна?

Мы специально уточняли, как пишутся заказные диссертации. Очень просто: человек обкладывается книгами и пишет, компилируя из разных источников. Вот подлинное высказывание автора таких работ: «Только не надо помногу списывать из одного источника, а то заметят». И в советское время гуманитарные диссертации писались точно так же (как в авторском, так и в заказном исполнении). Так что гуманитарии, на мой взгляд, зря обижаются. Традиция советского словоблудия в диссертационных работах не исчезла, лишь видоизменилась. Кто не согласен – пусть возьмет подборку авторефератов и почитает.

Если тезис о профанации российских научных статусов и российской научной экспертизы кому-то покажется недостаточно обоснованным, можно привести дополнительные аргументы.

В нашем отчете, посвященном оценке состояния РАН, высказана следующая рекомендация:

- *Необходимо привлечь авторитетную западную аудиторскую компанию (или пул таких компаний) для аудита всех финансовых потоков Академии, а также для инвентаризации ее имущественного комплекса.*

В опубликованной в НГ статье *«Академию выкрасят и выбросят»*, подписанной замдиректора Института прикладной математики РАН Г.Г. Малинецким, так суммируются выводы нашего отчета: «Приходите и володейте нами (западные аудиторские компании, западные ученые, западные…)». О западных ученых нужно поговорить отдельно, начнем с аудиторских кампаний. Как известно, аудиторские кампании не приходят для того, чтобы кем-то «володеть». Они приходят, делают свою работу, передают заказчику отчет и уходят. Даже организационные выводы не входят в их компетенцию.

Уважаемый Г.Г. Малинецкий! На каком основании Вы написали в отношении аудиторских кампаний «приходите и володейте нами»? Мне трудно поверить, что доктор физико-

математических наук, профессор мог допустить такую логическую ошибку случайно, как «заблуждение от сбивчивости». Скорее, это умышленная логическая ошибка, софизм. И после этого Вы хотите, чтобы к выводам Вашей научной экспертизы кто-то отнесся с доверием?

И ведь Ваш случай не единичен. Я лично сталкивался с ситуациями, когда известные академические ученые писали официальные научные рецензии с такими же, как у Вас, логическими «ошибками». Могу предъявить конкретные доказательства.

Если среди академических ученых было много протестов по поводу недостаточного объема финансирования, но не было ни одного протеста против низкого качества защищаемых диссертаций и научных статей, против профанации научной экспертизы, то о каком доверии к Академии может идти речь? Гражданское общество в науке не состоялось.

Как же следует реформировать Российскую Академию Наук, и нужно ли реформировать ее вообще? С моей точки зрения, реформировать нужно, потому что инерционный сценарий ее существования приведет лишь к дальнейшей деградации и нарастающей профанации науки.

Начать следует с простого – с хорошего финансового аудита. Это не специфичная мера для науки. В таком же аудите в России нуждаются и другие бюджетные отрасли. Я считаю, что привлекать для этого нужно западные аудиторские компании. Пусть вместе с российскими, но только не чисто российские. Почему? Ну, не верю я российским аудиторам, их ведь и убить могут. В демократической стране я имею право во что-то не верить? И если уважаемый Г. Г. Малинецкий не согласен со мной, пусть так и напишет: да, я против полноценного финансового аудита РАН.

Кстати, уважаемый коллега, с чего Вы решили, что «казнокрадам в РАН до серьезных воров очень далеко – финансовые потоки не те»? Это неверно. Очень даже «те». Особенно вкупе с доходами от имущественного комплекса.

Разумеется, финансовый аудит является лишь необходимым условием проведения реформ, а не их содержанием. В чем же должно состоять их содержание?

Логика реформистских мер должна исходить из фактов, пусть даже эти факты нелицеприятны. Меры по реформированию или «спасению» науки должны исходить из того реального факта, ***что в России разрушен институт научной экспертизы.*** Эта проблема усугубляется тем, что разрушены и другие виды экспертизы, смежные по отношению к науке: технологическая, экономическая, юридическая. Некорректная и ложная экспертиза ныне является одной из главных причин эрозии российской государственности. По моему мнению, – главной угрозой ее существованию.

Эрозия российской научной экспертизы началась не сейчас, а задолго до «перестройки». Всем известно, что аспирантура и научное соискательство (в отличие от экзаменов в ВУЗы) были коррумпированы еще в 70-е годы, возможно, и еще раньше. Правда, эта коррупция не всегда была денежной, зачастую она носила клановый или «блатной» характер, но результат был тот же. Поток псевдоученых, никак не сдерживаемый ВАКом и другими

официальными экспертными структурами, уже тогда широко вливался в российское научное сообщество. Разумеется, гуманитарных наук это касалось в большей степени.

Тем коллегам, которые не захотят согласиться с тезисом о разложении научной экспертизы (в том числе и моральном), предлагаю припомнить еще один простой факт. Уже в 70-е годы – возможно, и раньше – повсеместно была распространена такая практика: отзывы на свою собственную диссертацию пишет сам соискатель, а руководители ведущих организаций, официальные оппоненты и прочие рецензенты их только подписывают. Исключения из этой практики лично мне не известны, так делают все. Это грубейшее нарушение этики экспертизы и предписаний ВАКа. После этого кто-нибудь будет утверждать, что в российских официальных научных структурах существует серьезная научная экспертиза?

Существовала ли в России подлинная научная экспертиза и существует ли она сейчас? Ответ: да. Она существовала в основном на неформальном уровне, в рамках научных школ или сообществ типа «невидимых колледжей». В гуманитарных науках экспертиза в «невидимых колледжах» была единственной реально существующей, официальные институты (диссертационные советы, ВАК) осуществляли лишь псевдоэкспертизу, зачастую чудовищную по степени профанации.

В негуманитарных науках ситуация лучше, поскольку существовали (и существуют) сильные научные институты, научные советы которых контролируются реальными научными школами. Но, насколько можно судить, эрозия экспертизы шла и в не-гуманитарном секторе академической науки, а также в ВУЗах. Ныне этот процесс продолжается, о чем свидетельствует, например, следующее высказывание уехавшего за рубеж российского ученого:

- *Бывают ситуации, когда встречаешь на конференции людей, представляющих Россию, которые занимаются уже не наукой, а профанацией. И это производит тяжелое впечатление (математик, Кельн, Фонд Гумбольдта).*

Итак, еще в советское время научная экспертиза разделилась на официальную псевдоэкспертизу и реальную экспертизу, которую осуществляли неформальные научные сообщества. Ныне пропасть между двумя этими видами экспертизы, по-видимому, только возросла. Во многих научных областях реальная экспертиза просто отсутствует.

Вместе с тем в постсоветское время в российской науке возникли и новые явления, связанные с тем, что ученые и научные коллективы получили возможность самостоятельно искать финансирование, обращаясь с заявками в зарубежные научные фонды. Принципиально важный момент заключается в том, что авторы таких заявок должны были пройти своего рода тест на соответствие международным стандартам научной экспертизы, и многие выдержали этот экзамен. Конечно, какие-то элементы эрозии науки существуют и на Западе, но если формулировать жестко, то приходится сказать так: западная экспертиза заслуживает доверия, а российская – не заслуживает. Тем, кто в этом сомневается, приведем еще два высказывания ученых (в отчете их имеется больше):

- *Западные гранты – они более честны, наши гранты требуют лоббирования (химик, Москва).*

- *Внутри страны серьезных научных оценок не получить, все коррупцией поедено. Значит, эксперты должны быть зарубежные (физик, Москва).*

Как устроена сегодня российская академическая наука? Наше исследование дало ясный ответ на этот вопрос. Существует три группы академических институтов. Первая – это институты с сохранившейся научной школой. Скорее всего, их немного, но они есть. Уточнение их состава – отдельная работа. На противоположном полюсе находятся институты с полностью погибшей научной школой (возможно, сильной школы в них не существовало и раньше). Так или иначе, такие институты есть. Их, по-видимому, надо закрывать.

В тех институтах, которые находятся посередине между этими крайними полюсами, а таких институтов большинство, произошло разделение лабораторий и научных коллективов на эффективно работающие и не работающие. Эффективно работающие развиваются. Многие из них уже сейчас или в обозримом будущем могут претендовать на юридическую автономию. Дирекции в таких институтах иногда де-факто становятся одним из таких коллективов, хотя нередко про них можно услышать и такие мнения:

- *Дирекция может быть охарактеризована как комбинация пустого места и мафии (физик, Москва).*
- *Отсутствие грамотного и активного менеджмента в нашем институте – это его наиболее слабое место (физик, Москва).*
- *Менеджмента, как такового, в нашем институте нет (экономист, Москва).*

Для того чтобы планировать реформу науки, необходимо понять, какие цели эта реформа должна преследовать. Цель, лежащая на поверхности, состоит в том, чтобы ресурсы, поступающие в науку, доходили до эффективно работающих коллективов, а не «размазывались» или не уходили «налево».

Но такую формулировку цели следует рассматривать лишь как предварительную. В действительности необходимо не просто финансировать существующие в стране очаги реальной науки, а создать механизм сосредоточения ресурсов (в том числе инвестиционных) на ключевых научных направлениях.

Отметим, что научные результаты не обязательно мыслить, как чисто экономические, но роль экономического критерия по сравнению с сегодняшним днем, наверное, должна возрасти. Ученые должны понимать, что с иной постановкой вопроса сегодняшнее российское общество, страдающее от недофинансирования бюджетных отраслей, может не согласиться.

С помощью каких механизмов можно достичь этих целей? Здесь начинаются вопросы действительно спорные, и именно в их рамках должна вестись общественная дискуссия о реформе науки. Наши предложения основываются на трех следующих эмпирически доказуемых фактах.

1. Президиум РАН за 15 постсоветских лет не справился с задачей реформирования академической науки, и нет никаких признаков того, что в перспективе он может с ней справиться.

2. Советские механизмы организации и финансирования науки в новых условиях не работают, и нет никаких оснований предполагать, что они смогут заработать вновь.
3. Российские научные лидеры нового поколения (руководители эффективных институтов и научных групп) в тяжелых условиях освоили международные стандарты научной экспертизы и приобрели опыт современного научного менеджмента. Следовательно, именно этих людей следует поставить во главе российской науки.

Исходя из этих постулатов были сформулированы наши предложения. Их суть в том, что необходимо стимулировать получение эффективными научными коллективами статуса юридических лиц и самостоятельную работу на рынке, в том числе и на рынке грантов. Другими словами, необходима интеграция эффективных научных групп в мировую науку. И укрепление внутренней экспертизы во взаимодействии с внешней. Может быть, это спорно. Но если мои оппоненты захотят возразить, хотелось бы, чтобы их отзывы содержали меньше эмоций и больше конкретных формулировок.

2005 г.

ЛЫСЕНКОВЩИНА: ПОБЕДА ПИАРА НАД НАУЧНОЙ ИСТИНОЙ

Наука и ее лысенковский антипод

Общеизвестна история о том, как годы правления Сталина шарлатан и проходимец Трофим Лысенко погубил академика Николая Вавилова, крупнейшего биолога, одного из родоначальников современной генетики. Сегодня мне хотелось бы подробнее рассмотреть эту историю и оценить ее связь с современностью.

Вопрос о лысенковщине интересный и актуальный. По сути дела, лысенковщина – это разновидность того, что можно называть информационной борьбой в широком смысле этого слова. Говоря современным языком, ее можно назвать пиаровским феноменом.

В рассматриваемом случае друг другу противостояли два персонажа: тот, кто представлял профессиональную истину, и тот, кто представлял профессиональную ложь. В результате возникла борьба противонаправленных информационных мессиджей и, соответственно, стоящих за ними людей.

Возникает вопрос: *почему академик Вавилов проиграл, хотя по идее он должен был выиграть?* Как могло получиться, что явная профессиональная ложь победила профессиональную истину?

Ответ, как я думаю, состоит в следующем. Говоря современным языком, Лысенко оказался хорошим пиарщиком, и его мессиджи каким-то образом попали в резонанс с мышлением, с ментальностью той целевой группы, на которую он работал, а именно с ментальностью тогдашнего политического руководства страны. Мессиджи академика Вавилова были направлены на иную целевую группу – это была академическая среда, ученые, мировое научное сообщество, где он, безусловно, находил понимание.

При этом обращает на себя внимание, что по каким-то причинам не получилось *адекватной экспертизы* этого вопроса.

В поздние советские времена, я имею в виду 70-е и 80-е годы, преобладало мнение, что лысенковщина – это типичное советское явление, выражение порочности советской или сталинской системы, тем более, что случай с Лысенко не единичный, аналогичных примеров немотивированного разгрома научных школ можно привести много. Однако ныне мы понимаем, что это объяснение в лучшем случае что-то констатирует, но ничего не объясняет.

С позиций сегодняшнего дня возникает ощущение, что Сталин – это скорее борец с лысенковщиной, борец последовательный, принципиальный, одерживавший над ней победы, но имевший и серьезные поражения.

Ситуация отчасти объясняется тем, что эту борьбу с лысенковщиной Сталин вынужден был вести не по всему фронту, а с учетом расставляемых им приоритетов. Ясно, что высший приоритет был отдан военной промышленности и вообще военному делу.

На основе лысенковщины нельзя было создать базовые отрасли промышленности, авиацию, ракеты, атомную бомбу. И лысенковщина не была допущена в эти сферы. Профессиональные стандарты, сформировавшиеся в этих сферах в те годы, были чрезвычайно высоки. Многие люди, воспитанные в этих стандартах, доныне гордятся ими и с ностальгией вспоминают сталинские времена.

Но ресурса внимания у центральной власти не хватало, и в этом мы находим частичный ответ на поставленный нами вопрос. Чем меньше был ресурс внимания, тем в большей степени возникала возможность паразитировать на отсутствии адекватной экспертизы, создавая лживые пиаровские мессиджи и получая под них ресурсы. Затем эти ресурсы тратились, реальных успехов не было, но создавались новые мессиджи. И так могло продолжаться долго. Лысенко морочил голову властям более двадцати лет, не имея никаких реальных успехов. Это демонстрирует нам силу пиара, способного подавлять профессиональную истину.

За счет чего пиар приобретает такую способность? Ниже мы попытаемся дать ответ на этот вопрос.

Пиар как нечестная продажа

Если отвлечься от исторического контекста, нам нетрудно найти аналогии лысенковщине в окружающей нас жизни. На примере жульнической торговли продуктами типа гербалайфа мы можем увидеть, как это происходит.

Пиаровский мессидж – это, грубо говоря, сказка. Структура этой сказки ни для кого не секрет, она описана во всех пособиях по ведению бизнеса в той части, где говорится о так называемых «эффективных продажах». Суть этих рекомендаций состоит в том, что для убеждения покупателя надо нарисовать определенную картину: описать сегодняшнее состояние дел, причины его неудовлетворительности, далее сформулировать предложения и на их основе создать некую картину того, как хорошо будет покупателю, если он купит соответствующий товар.

Эффективные пиаровские мессиджи апеллируют к чувствам. В позитивном плане это мечты и надежды, потребность в чуде. В негативном – чувство реальной или мнимой угрозы или возможной потери.

Там, где есть сильные чувства, всегда возникает экологическая ниша для появления жуликов. Такие жулики вьются, например, вокруг безнадежных больных, поскольку у них и у их родственников не умирает надежда на исцеление. Людям, страдающим от незнания иностранных языков, предлагаются жульнические методики, обещающие решение проблемы в течение нескольких недель. Продавцы гербалайфа эксплуатируют мечту каждого человека о красоте и здоровье, и т.д.

Сама по себе апелляция к чувствам при продаже продукта не является запрещенной. Каждый продавец имеет право продвигать свой товар. Но существует разница между правомерным убеждением и обманом покупателя. Кстати, грань между ними не всегда

очевидна. Так, в американской судебной практике принято различать случаи недозволенного *введения в заблуждение покупателя* и дозволенного *рекламного преувеличения* полезных качеств продукта. За этим тонким различием стоят многомиллионные суммы исков и прецедентообразующие решения судов.

Процедура продажи – это торговый мессидж плюс стоящий за ним продукт с его объективными свойствами. Честный рекламный мессидж должен соответствовать свойствам продукта. Нечестный «продающий» мессидж отрывается от свойств продукта и превращается в чистую сказку, обман, фикцию. Причем жизнь показывает, что порой подобные сказки приобретают чрезвычайную убедительность.

Власть как покупатель жульнических продуктов

Наряду с жульническими продажами «по горизонтали» испокон веков существовала возможность продать жульнический продукт, обратившись к власти. Здесь опять-таки вспоминаются алхимики, шарлатаны, осмеянные Мольером средневековые врачи, различные прожектеры – кого только не было!

Обращает на себя внимание тот факт, что власть порой бывает более доверчива, чем обычный покупатель.

Конечно, возникает вопрос: если брать менталитет средневекового общества, то что можно считать реальным предложением, а что ложным? Система представлений была иной, многое из того, что сейчас должно быть сочтено жульничеством, считалось возможным. Но власть старалась, хотя и не всегда успешно, противопоставлять представлениям о теоретической возможности прагматизм своего мышления. Бытовое прагматическое здравомыслие часто является спасением от шарлатанов.

Двадцатый век привнес в процесс рассмотрения проектов новое качество, а именно научно-технический прогресс, а с ним и то, что можно назвать технократическими или псевдонаучными химерами.

За примерами ходить не далеко, даже если отвлечься от лысенковщины. У всех на памяти знаменитая кукурузная кампания, проведенная Хрущевым. Другая химера поздней советской эпохи – создание гигантской автоматизированной системы управления, охватывавшей всю страну, от Госплана до предприятия, включая установку датчиков на каждой единице оборудования. На профессиональном жаргоне эта программа называлась «АСУчиванием» страны. Сегодня такой проект представляется технически возможным, хотя и с большими оговорками, но в 70-е годы прошлого века был чистой химерой.

Очень много таких программ осуществлялось в СССР в военно-промышленном комплексе под завесой секретности. К примеру, можно указать на маниакальное производство танков под давлением военного лобби. К концу двадцатого века танк утратил прежнее военное значение. Массированные танковые атаки в сегодняшних условиях стали невозможны из-за огромных потерь, наносимых современным противотанковым вооружением (это

подтвердилось на начальных этапах спецоперации в Украине - прим. 2023 г.). Казалось бы, это простой аргумент, высказываемый, разумеется, не мной, а военными специалистами.

Вот что говорил об этом Виталий Васильевич Шлыков (1934–2011) — полковник ГРУ, советский разведчик-нелегал, а после отставки — один из самых авторитетных в России военных экспертов и аналитиков.

- *Оценки, которые закладывались в наше военно-производственное планирование, были просто безумные. Например, в ГРУ считали, что американцы смогут в случае войны уже после 3-6 месяцев мобилизации производить 70 тыс. танков в год. На самом деле они могли произвести не более 600, т. е. была допущена ошибка более чем в 100 раз. По самолетам ошибались в десятки раз. Кстати, подобными оценками наше министерство обороны руководствуется и сейчас (2010 г.). Когда я рассказывал американским коллегам наши оценки их возможностей производства танков, они отвечали: «Это же невозможно, вы сошли с ума!» (интервью, архив мой – С.Б.).*

Тем не менее, несмотря на очевидность вопроса для профессионала-разведчика, реальной экспертизы этого вопроса не получилось. Потребовался распад СССР, чтобы избыточное (в разы!) производство танков прекратилось. Правда, надо отметить, что танки все же производились реальные, в отличие от кукурузы, которая вообще не выросла. Химерическими были не сами танки, а те цели, ради которых они изготовлялись в таких количествах.

Баланс между истиной и ложью как характеристика общества

Вопрос о борьбе между истиной и ложью относится к числу извечных философских вопросов. Я не стану рассматривать его в полном объеме, а суживаю предмет рассмотрения до борьбы в определенном секторе существования общества – в сфере профессиональной экспертизы.

Исходя из общих философских посылок нам ясно, что ни одно из начал – ни ложь, ни истина – не могут полностью уничтожить друг друга. Говоря языком социологии, в любом обществе всегда есть какой-то элемент дезорганизации, в том числе основанный и на профессиональной лжи. И есть силы научной, технологической и, наверное, юридической экспертизы, которые ей противостоят. В любом обществе между ложью и истиной устанавливается какой-то баланс.

Чем больше в обществе лжи, чем в большей степени ложь наступает на профессиональную истину и подавляет ее, тем менее эффективен общественный порядок. Чем меньше ложь сдерживается силами профессиональной экспертизы, тем больше возникает в обществе различных химерических проектов, типа лысенковских, бессмысленно поглощающих ресурсы и способствующих дальнейшему разложению экспертизы. В каком-то пределе это может кончиться катастрофой, деградацией всего экономического комплекса страны.

Я говорю об этом обобщенно, о стране в целом, хотя ясно, что существуют и локальные области, где проявляются схожие эффекты, потому что борьба между истиной и ложью протекает на разных уровнях. Но можно, наверное, говорить о какой-то усредненной величине, о состоянии баланса между ложью и истиной как о состоянии общества в целом.

Наша страна имеет уникальный исторический опыт в плане того, как профессиональная ложь преобладала над истиной, подавляла профессиональную экспертизу. Это не только лысенковщина, но и упомянутая кукурузная кампания, и проект поворота сибирских рек, и многие другие программы, скрытые от широкой общественности. К сожалению, этот опыт не осмыслялся, обсуждение подавлялось цензурой, и ныне мы стоим перед угрозой нового витка раскручивания подобных проектов.

Главная мысль, которую я хочу высказать, предваряя итоговые выводы, состоит в том, что одна из главных проблем сегодняшней России – это *огромный, доходящий до катастрофических масштабов дефицит профессиональной экспертизы.* Этот дефицит позволяет процветать людям и структурам, использующим профессиональную ложь для реализации своих интересов за счет деградации всего общества и экономики страны.

Истоки возникновения такой ситуации следует, по-видимому, искать в сталинской эпохе. Фундаментальная ошибка построенной Сталиным системы состояла в подавлении права людей на отстаивание профессиональной истины. Считалось, что истина должна существовать только там, куда ее допускали. Лысенковщина была своего рода платой или возмездием за подавление профессиональной истины.

Подлинные плоды этого подавления мы пожинаем только сейчас. Да, Сталин умел создавать очень сильные, но локальные экспертные системы. Это факт до сих пор способен создавать иллюзии относительно жизнеспособности созданного им общественного строя. Но стоило власти ослабить хватку, как экспертиза развалилась и там, где прежде была сильна. И произошло это не сейчас, а еще в 70-е годы XX века.

Что является профессиональной истиной?

Вернемся к истории с Лысенко. В каком смысле можно говорить о том, что его теории были профессиональной ложью?

Профессиональная истина основывается на доказательствах, на процедурах ее установления. Не надо говорить, что истина недостижима. В профессиональном, технологическом смысле этого слова она, безусловно, достижима. Хотя, конечно, не без трудностей.

В наиболее очевидных случаях существуют простые способы установления профессиональной или, будем использовать этот термин, *технологической* истины. Существуют процедуры измерения, жесткой фиксации фактов или параметров, и их состояние может свидетельствовать о том, что некий продукт или технология прошли экспертизу и соответствуют заявленным параметрам и тому мессиджу, на основе которого они продвигаются.

Но если мы обсуждаем не конкретный и готовый продукт, который выходит на рынок, а различные идеи, концепции, предложения, то ясно, что даже в серьезной и профессиональной среде всегда существует различие, разнобой мнений. Существуют споры, иногда очень жесткие. Существует и возможность ошибок.

Все эти споры и ошибки – никоим образом не лысенковщина. Спорят друг с другом и крупные ученые. Согласно К. Попперу, данная проблема называется проблемой неоднозначности научного вывода, проблемой выдвижения подверженных ошибкам гипотез, в том числе технологических, инвестиционных и т.д.

Но коль скоро все в этом мире неоднозначно и разные точки зрения имеют право на существование, возникает вопрос, где критерий демаркации между правомерной интеллектуальной гипотезой и тем, что я называю лысенковщиной?

Прежде всего, надо отметить, что этот критерий лежит не в области субъективных мотивов, не в субъективном осознании истинности или ложности концепции, потому что такое осознание может быть, а может не быть. Маньяк зачастую не осознает ложности своих концепций. Гениальность Лысенко, я не побоюсь этого слова, состояла в том, что он, не владея научной истиной, сумел на создать чрезвычайно убедительный (для названной выше целевой группы) пиаровский мессидж.

Дело обстоит не так, что Лысенко знал научную истину, но исказил ее или скрыл в своих интересах. Очевидно, он ее просто не знал. По уровню своей квалификации он не мог знать профессиональной истины, какой она виделась ученым в тот период, не понимал их концепций и не видел вытекающих из них перспектив. Скорее он действовал, как животное в джунглях сталинской системы, инстинктивно нащупывая алгоритмы выживания и карьерного роста. С этой точки зрения его мессиджи даже нельзя назвать ложными, они были *действенными* в социально-дарвинистском смысле этого слова.

Если профессиональное шарлатанство состоит не в субъективном осознании ложности концепции, то в чем оно состоит и может ли оно быть доказано?

Я считаю, что, безусловно, может. В тех случаях, когда нельзя измерить конкретный результат или параметр, *экспертизе подлежит качество логических ходов*. Существуют законы мышления, это законы оперирования фактами и аргументами, алгоритмы получения научных выводов.

Профессиональная истина включает в себя определенные процедуры доказывания. Другими словами, она несет в себе процессуальный аспект. В тех случаях, когда истина не может быть доказана непосредственно, она должна устанавливаться с помощью определенных процедур. Эти процедуры не всегда ведут к однозначному выводу, но все же они отсекают заведомую ложь и заведомый непрофессионализм. Поэтому линия демаркации между профессиональной ложью и профессиональной истиной состоит в том, соблюдаются или не соблюдаются процедуры, которые К. Поппер назвал правилами рациональной дискуссии. Доказанная нечестность в аргументации влечет за собой вынесение вердикта о профессиональной лжи.

Профессионал, будь то технолог или ученый, отличается от своего жульнического антипода тем, что он соблюдает эти правила или, по крайней мере, стремится их соблюдать. А вот жулик или шарлатан, во-первых, не соблюдает эти правила, его логические цепи порочны. Эти пороки вскрываемы и доказуемы, вообще говоря. А во-вторых, в ответ на профессиональную критику он начинает искусственно затемнять истину, манипулировать слушателями, использовать демагогические и силовые приемы. И это уже становится осознаваемым действием, по отношению к которому уже применимо понятие вины и ответственности. Здесь, на этом этапе, неизбежно возникает уже осознаваемая ложь, в том числе и в форме подтасовки объективно проверяемых данных. Честное обсуждение на этом заканчивается.

Итак, мы можем констатировать, что существует противостояние между профессиональной экспертизой, предметом которой является анализ корректности аргументации, и неким противонаправленным действием, интеллектуальным саботажем, когда логика не соблюдается, методики не соблюдаются, алгоритмы профессиональной дискуссии не соблюдаются, истина с помощью каких-то софизмов замазывается, а также включается в действие силовой ресурс. Все это я называю лысенковщиной, которая может принимать масштабы национального бедствия.

Возможно, истину, которая здесь названа профессиональной, следует назвать процессуальной. Это должно подчеркивать ее *доказательный* аспект. Из этого вытекает, что в обществе должны существовать институты, предназначенные для доказывания профессиональной истины.

Об институтах установления истины

В любом обществе должны существовать как минимум два института, которые должны выполнять функцию защиты профессиональной истины. Это экспертные советы в самых разных формах, в разных организациях, не обязательно формализованные. И это суды. При наличии этих институтов, если они исправно функционируют, ложь, конечно, не уходит из общественной жизни, но она оказывается существенно потеснена, потому что всегда можно добиться какой-то правды, пусть это иногда бывает затратно, пусть не всегда удается, но все же. Состояния, когда можно отстоять истину и когда ее отстоять нельзя, – это два кардинально различных состояния общества.

Остановимся на судах, потому что огромная часть функций по доказыванию истины лежит на судебной системе. Обращение в суд – это крайняя мера. Суд – это последняя инстанция по защите профессиональной истины, хотя и не всеми делами он занимается.

Отметим, что речь здесь идет в первую очередь о гражданском, а не уголовном судопроизводстве, хотя в жизни может случиться по-всякому. У нас в России бывают ситуации, когда защиту научной диссертации целесообразно было бы перенести в гражданский, а то и в уголовный суд. Например, в связи с очковтирательством, а также с вопросом написания заведомо ложных отзывов (неважно, позитивных или негативных). Но

такая необходимость как раз и свидетельствует о недоразвитости гражданской и внесудебной экспертизы.

В суде надо различать две вещи. Есть моральные ценности или принципы, которые заложены в законодательство, и суд обязан их охранять. Эту проблему мы здесь не обсуждаем. Но наряду с этим есть и процессуальный аспект, который по всем своим параметрам соответствует тому, что я определил, как технологическую или профессиональную истину. И если работу суда рассматривать с точки зрения затрат времени и усилий, то можно сказать, что 90% времени работы суда уходит на установление неких технологических истин, т.е. доказуемых фактов.

Проблема состоит в том, что в российской судебной системе слабо сформирована та специфическая культура судебного рассмотрения, которая обеспечивает установление технологической истины. Я не знаю, можно ли это считать наследием большевизма или современной ситуации в праве.

На этом фоне возникает хорошо известное всем русское явление – так называемый бред правдоискательства. Или просто правдоискательство. Эти крылатые выражения свидетельствуют о громадном дефиците технологической экспертизы. Этот дефицит принимает огромные масштабы и создает всеобщую ситуацию несправедливости.

У несправедливости есть свои производные. Они проявляются на системном уровне. Здесь коренятся причины стагнации российского общества и экономики. *Мы живем в стране, в которой ничего нельзя доказать.* Можно взять горлом, схитрить, обмануть, дать взятку, воспользоваться силовыми методами. Все это можно. Только вот доказать ничего нельзя.

Перейдем теперь к экспертным советам. Они подобны суду, работают на сходных алгоритмах. Возьмем, например, защиту диссертаций. Это своего рода суд, осуществляемый ученым советом института. Кстати говоря, не случайно заседания таких советов проводятся с подобающей торжественностью, они и должны так проводиться. Но люди, придерживающиеся высоких научных стандартов, испытывают шок, когда вдруг оказывается, что эта торжественность – лишь фасад, за которым таится откровенная профанация научных результатов.

Подлинной научной экспертизы в России нет. Может быть, она сохранилась локально в некоторых естественнонаучных институтах с сильной научной традицией. Но в большинстве институтов и ВУЗов она подменена «научной дедовщиной». Пойдите в библиотеку и возьмите подборку авторефератов диссертаций по гуманитарным дисциплинам. Их же невозможно читать. Подавляющее большинство из них – чистая профанация, поддерживаемая, между прочим, учеными советами, экспертами, кандидатами и докторами наук, равно как и самим ВАКом.

Но если решения научных советов принимаются путем профанации экспертизы, то в стране перестанет существовать наука и высшее образование. По сути, это уже произошло. Пишутся плохие учебники, плохо ведется преподавание. Поскольку аттестация кадров – это тоже элемент экспертизы, институты и ВУЗы заполоняются плохими кадрами, плохими профессиональными коллективами.

Выше я говорил о целесообразности перенесения защиты некоторых научных диссертаций в уголовный суд. Вопрос поднят мной не случайно. В знаменитой лысенковской книге «Итоги биологической дискуссии», изданной в 1948 году, есть интересное место. Словами самого Лысенко там говорится, что нашелся один смелый ученый, который имел мужество обратиться к властям с требованием привлечь лысенковцев к ответственности за растрату ресурсов и очковтирательство. Этот человек, конечно, не был допущен к участию в дискуссии. Возможно, в тот момент он был уже арестован. Мы знаем о нем со слов Лысенко, который сказал: «Можете себе представить, он имел наглость обратиться с таким требованием к властям».

Понятно, что победитель мог торжествовать. Но сам-то вопрос о привлечении очковтирателей к ответственности более чем правильный. За заведомую профанацию научных результатов нужно наказывать и в гражданском, и – при наличии оснований – в уголовном порядке. Это, конечно, крайняя мера. Но, глядя на некоторые современные российские учебники по гуманитарным дисциплинам, у меня порой возникает тоска по применению такой меры (в отношении даже не авторов, а рецензентов, на которых возложена функция государственной экспертизы). Интересно, однако, отметить, что практически все российское научное сообщество категорически не согласно со мной в этом вопросе.

Разумеется, наука далеко не уникальна в плане лысенковщины. Есть еще и чиновничество. Профанация профессиональной истины в чиновничьих структурах вошла в пословицы. Список социальных институтов, в которых разрушена профессиональная экспертиза, можно продолжить.

Я повторяю исходную диспозицию, что в нашем обществе ничего нельзя доказать жестким образом. Влияние этого мы все ощущаем на себе. Можно привести очень много примеров конфликтных ситуаций, когда одна из сторон пытается оперировать доказательствами, но другая *вместе с арбитром* отказывается следовать этой логике. И ведут себя где-то в диапазоне от чеховского злоумышленника до такого злодея, как Лысенко, – вот такой спектр образуется. Оружием этих людей является логический саботаж.

Сегодня, если открыть газеты или зайти в Интернет, видно, что в России разнузданная профессиональная ложь не встречает на своем пути почти никакого противодействия. Честно говоря, даже не очень понятно, что может ей противостоять. Возможно, что где-то локально, в крупных олигархических структурах, в криминальных структурах могут быть построены свои внутренние жесткие экспертные системы. Но это структуры исключительно внутренние, работающие на свой внутренний интерес.

В обществе, где профессиональная ложь является одним из ключевых элементов достижения целей, возникает интересная дилемма: организация должна лгать вовне, но не должна пустить ложь внутрь себя. Любая эффективная организация должна сталинскими методами бороться с лысенковщиной внутри себя и в то же время продуцировать ее вовне. Это иногда удается, порой даже неплохо.

Но сплошь и рядом я вижу организации или структуры, которым это не удается, у которых ложь или лысенковщина проникла внутрь. Здесь возникает очередной, загадочный для меня вопрос, за счет чего эти организации могут жить? Они по определению не могут быть эффективны, значит, должны погибнуть. А они живут – значит, пользуются внешней ресурсной подпиткой, проедают общественные ресурсы. Грубо говоря, паразитируют на высоких ценах на нефть.

Алгоритм спора или алгоритм беседы, основанный на правилах аргументации, в нашем обществе не работает или имеет очень ограниченное значение. В профессиональном общении постоянно следует ожидать интеллектуального саботажа и удара ниже пояса. Это системная вещь, хотя и происходит не всегда злонамеренно.

Законы, лоббирование и ответственность

Разрушение институтов экспертизы, которое происходит в России, несомненно, исходит от государства. Общеизвестно, что рыба гниет с головы. Поговорим о том, как именно это происходит.

Понятно, что люди, целенаправленно разрушающие профессиональную истину, могут получать от этого очень большую выгоду. К примеру, тот же Трофим Лысенко такую выгоду получил, и в немалых объемах.

К сожалению, соблазн получить выгоду возникает и у высших должностных лиц государства. Причем я не имею в виду чиновников, которые, используя лысенковские алгоритмы, извлекают из развала государственной экспертизы свою личную выгоду. С этим явлением можно бороться, и оно вовсе не так непобедимо, как кажется.

Подлинная проблема состоит, на мой взгляд, состоит совершенно в другом, а именно в том, что люди, представляющие высшую российскую государственную власть, считают возможным использовать лысенковские методы для достижения *государственных* целей, как они их понимают. Это определенный дефект мировоззрения, доставшийся современным государственным руководителям от советских времен.

Не будем обсуждать вопрос о том, насколько правильно поняты государственные цели. Остановимся на средствах. Повторю банальную мысль, что беззаконие приносит выгоду тем, кто им пользуется. Беззаконные методы быстрее и эффективнее ведут к желаемому результату – разумеется, за счет кого-то или за счет чего-то. Беззаконие, оправдываемое государственными интересами, – порой реально существующими острыми проблемами – имеет своим следствием разрушение института экспертизы, а как следствие и эрозию государства в целом.

Средством разрушения института экспертизы является нелегитимное использование государственных рычагов. Власть, сталкиваясь с проблемой и не располагая (как ей кажется) легитимными средствами для ее решения, начинает добиваться своих целей средствами нелегитимными. Например, шантажом – дам бюджетные деньги или не дам. Избирательно возбуждаемыми уголовными делами. И странно, что я читал много

описаний конкретных случаев, но принципиального протеста против самого принципа нелегитимного использования государственных рычагов я не встречал ни разу.

Верховная власть в России сегодня во многом слаба, но она сама воспроизводит и усиливает свою слабость. Я бы сформулировал такую лемму: *в условиях, когда власть управляет страной путем использования нелегитимных рычагов, лысенковщина, конечно, неискоренима.* Потому что нелегитимные рычаги – это некая теневая сфера, это сфера закрытых переговоров, сговора, куда нет доступа экспертизе. Там, где нет гласности, экспертиза, даже в той форме, в какой она в принципе могла бы существовать, автоматически отсекается. Может быть, это делается не всегда намеренно, но это неизбежное следствие такой политики.

Власть, использующая нелегитимные рычаги, прикрываемые пиаром, создает условия для собственной эрозии. Говоря иначе, она создает питательную среду для лысенковщины, которая начинает разлагать ее изнутри и пожирать общественные ресурсы.

Для того чтобы начать действовать легитимно, власть ни много, ни мало должна совершить своего рода революцию. Может быть, для этого нужны жесткие меры. Но не надо путать жесткие меры, направленные на восстановление легитимного порядка, с мерами, направленными на его разрушение. В последнем случае мы получаем аналог латиноамериканских диктатур или щедринского медведя на воеводстве.

Пока, к сожалению, мы не видим у власти стремления к восстановлению институтов, отстаивающих технологическую истину. И получаем ситуацию, когда у государства экспертный потенциал очень слаб, а у различных антиобщественных структур (в том числе и внутри самой власти) – силен. Эти структуры, обладая мощным экспертным потенциалом, способны манипулировать властью с помощью профессиональной лжи. Это дает им возможность чувствовать себя безнаказанно.

Такая ситуация наводит меня на очень пессимистические мысли, потому что мне трудно сказать, в какой мере экспертный потенциал государства может расти путем самоорганизации. Очень велики противостоящие этому деструктивные силы.

С другой стороны, существуют все-таки первые лица, и существуют точки сосредоточения ответственности, от которых должно исходить противоположное начало установления истины. Ясно, что в перспективе у высшей власти просто нет иного выхода, кроме как формировать вокруг себя сильные экспертные структуры. В этом состоит позитивное начало самоорганизации. Но противостоящие этому силы в госаппарате очень сильны. Кроме того, есть и внешние по отношению к госаппарату структуры, которые злонамеренно взрывают, коррумпируют экспертизу. Результаты их деятельности налицо.

Заключение

Подводя итог, следует вернуться к исходной дилемме: почему профессиональная истина может проиграть профессиональной лжи? Ответ, как мы убедились, лежит не в плоскости морального осуждения отдельных исторических персонажей вроде Лысенко, а в плоскости

устройства самой системы принятия решений. Лысенковщина — это не случайный эпизод или «издержки» сталинской эпохи, это закономерный феномен, возникающий там, где дефицит экспертизы сочетается с высокой концентрацией власти и ресурсов.

Сегодняшняя Россия, как и СССР прошлых десятилетий, продолжает существовать в условиях глубокого дисбаланса между профессиональной истиной и профессиональной ложью. Институты, призванные устанавливать технологическую истину — будь то независимые экспертные советы или судебная система, — находятся в кризисе. Доказать истину легальным способом часто бывает проблематично. В такой среде жулики и прожектеры получают доступ к рычагам управления государственными ресурсами.

Борьба с лысенковщиной сегодня — это не только борьба за «научную истину» в вавиловском понимании. Это борьба за выживание государства как системы управления. Пока решения принимаются на основе лоббистских мессиджей, а не выверенной экспертизы, страна будет обречена на реализацию химерических проектов типа кукурузы или поворота сибирских рек.

Возрождение профессиональной экспертизы невозможно без политической воли к восстановлению легитимных процедур принятия решений. Это требует от власти отказа от практики использования нелегитимных рычагов управления — избирательного правоприменения, шантажа и кулуарного сговора. Там, где нет гласности и не соблюдаются правила рациональной дискуссии, неизбежно побеждает тот, кто лучше «продает» ложь.

Предпосылки для преодоления лысенковщины, безусловно, существуют. Общество, сталкиваясь с катастрофическими последствиями деградации экспертизы, неизбежно формирует запрос на ее восстановление. Вопрос лишь в том, сумеет ли самоорганизация гражданских и профессиональных институтов преодолеть энтропию, разлагающую государство изнутри.

История лысенковщины показывает, что без доказательной правды невозможно построить ни сильную экономику, ни справедливое общество. Поэтому борьба между истиной и ложью продолжится.

2006 г.

Белановский Сергей Александрович

О РОССИЙСКОЙ ГУМАНИТАРОНОЙ ПСЕВДОНАУКЕ.

Выпуск 1

E-mail: sbelan@yandex.ru
https://t.me/Sbelan_52

СООБЩЕСТВО «НЕВИДИМЫЙ КОЛЛЕДЖ»

Уважаемые коллеги!

Этим письмом я сообщаю о своем намерении организовать сообщество ученых, желающих расширить свои коммуникационные возможности. В нашем сообществе что-то не так с научной коммуникацией. Приведу следующие примеры.

В начале 90-х годов я организовал перевод и малотиражное издание классической работы Р. Мертона и соавторов «Фокусированное интервью», а также разместил ее на своей странице Academia.edu. Позднее ВЦИОМ с моей подачи осуществил полноценное общедоступное издание этой книги. После этого я хотел удалить ее со своего сайта, но с удивлением обнаружил, что ее продолжают скачивать, т.е. информация о новом издании мало до кого дошла.

Аналогично в 90-е годы я опубликовал свои методические монографии, которые позднее объединил под общим называнием «Глубокое интервью и фокус-группы». Эти работы были опубликованы трижды в 2001, 2019 и 2022 гг., но я до сих пор встречаю ссылки на издания 90-х годов. Меня это сильно огорчает, поскольку более поздние издания были существенно доработаны.

Большие проблемы связаны и с журнальными публикациями. Научные журналы в доступной мне области наблюдения утратили коммуникативную функцию. По моему мнению, их попросту никто не читает. Это связано с тем, что большинство публикаций, может быть, добросовестны, но не интересны. Почему они не интересны – вопрос отдельный, но факт состоит в том, что интересные работы тонут в этом массиве. Зачастую они и вовсе не попадают на страницы научных журналов. Работы, размещенные авторами в интернете, тоже плохо доходят до целевой аудитории. «Вирусные» научные публикации, распространяемые по сетям неформальных коммуникаций, очень редки.

Современные гуманитарные ученые делятся на два типа. Для первых важны публикации в журналах из списка ВАК, для вторых – чтобы их работы кто-то прочитал. Первые, с моей точки зрения, численно преобладают. Не хочу сказать о них ничего плохого, просто фиксирую эмпирический факт. Что касается вторых, то это люди, сохранившие научное любопытство, любящие прочесть «что-нибудь интересное». К сожалению, российские научные журналы плохо помогают им в этом.

Для исправления ситуации предлагаю создать сообщество «Невидимый колледж». Этот термин создан социологами для обозначения сетей неформальных коммуникаций между учеными. Конкретно я собираюсь создать базу данных электронных адресов, по которым можно будет рассылать работы коллегам. Речь идет как о неопубликованных, так и об опубликованных работах, поскольку публикация не гарантирует, что работу кто-то увидит и прочтет.

На первом этапе я предполагаю создать список коллег, с которыми я в той или иной мере лично знаком и которые, как мне кажется, не утратили научного любопытства. Поначалу предполагаю рассылать свои собственные работы, коих за мою долгую жизнь накопилось довольно много. В перспективе, если дело пойдет успешно, приглашаю и других авторов.

Включать в рассылку буду не все свои работы, а только те, которые, как мне кажется, интересно читать. Более того, по возможности уберу из текстов занудство, мешающее чтению. Это в первую очередь касается именно опубликованных работ, поскольку российские научные издания навязывают авторам неконструктивный формат, препятствующий чтению и порой делающий его невозможным. К сожалению, этот формат глубоко укоренился и стал привычным. Многие считают его естественным, но это ошибка. В скором времени я напишу об этом подробнее, а пока призываю: коллеги, смотрите на свои тексты глазами читателя! Прочтите заново свои работы и уберите все лишнее! Следите за стилистикой, не используйте тяжелый «научный» язык!

Работы, предназначенные для рассылки, я буду параллельно размещать в библиотеке eLibrary, что фактически станет публикацией. Сегодня для публикации уже не нужны бумажные издания и тиражи. Эпоха бумаги закончилась. Размещения в авторитетной библиотеке вполне достаточно. По правилам библиотеки инициативная работа может быть включена в фонд при наличии двух рецензентов с ученой степенью и включенных в базу данных РИНЦ. Этим могут пользоваться все. Возможно, помимо eLibrary, следует найти и другие места размещения, либо создать новые. Предлагаю это обсудить.

Но главным инструментом продвижения я считаю персональную рассылку. Всех, кто получит это письмо, прошу переслать его коллегам, которым оно может быть интересно (копию прошу мне). В качестве первого шага я разошлю последнюю версию монографии «Глубокое интервью и фокус-группы», следующим будет «Этнографическая социология». Далее пока не определил.

Надеюсь, моя инициатива будет поддержана.

Всем удачи!

sbelan@yandex.ru; https://t.me/Sbelan_52

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НЕВИДИМЫЙ КОЛЛЕДЖ»

готовит к публикации книги

С. А. Белановского:

Глубокое интервью и фокус-группы

Этнографическая социология

Макиавеллевская социология

Модерация фокус-групп

О российской гуманитарной псевдонауке

Школа: взгляд изнутри

Дедовщина в советской армии

Производственные интервью советской эпохи

Все публикации «Невидимого колледжа»

являются публичным достоянием